

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ТИХООКЕАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СТАДНИК ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

22.00.04. – социальная структура,
социальные институты и процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель
доктор политических наук
Ким А.С.

Хабаровск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

1.1 Социологический подход к исследованию этнополитического конфликта

1.2 Этнополитический конфликт как социальный процесс

ГЛАВА II. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

2.1 Этнополитическая конфликтность молодежной среды

2.2. Социологический анализ этнополитической конфликтности
студенческой молодежи Хабаровского края

2.3 Деятельность по предупреждению участия студенческой молодежи в
этнополитических конфликтах как социальный процесс

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Крушение советского строя, утрата прежних форм интернациональной идентичности и межнационального общения привели к тому, что этничность в постсоветском пространстве стала катализатором социальной дифференциации и усиления культурных границ, что создает предпосылки формирования масштабных и затяжных этнополитических конфликтов. В таких условиях особую актуальность приобретает проблема предупреждения такого рода конфликтов с участием молодежи. Речь идет о том, что вовлечение молодежи в этнополитические конфликты происходит на основе позитивного восприятия элементов этнонационалистической и экстремистской идеологии. Основными предпосылками их усвоения являются:

1) отсутствие научного понимания сущности, характера и основных закономерностей развития этнических процессов и межэтнических отношений;

2) низкий уровень этнологической культуры с точки зрения обладания адекватными представлениями о культурах других народов и навыков межэтнического общения (распространенность клише, штампов и стереотипов);

3) низкий уровень общегражданской (российской идентичности), распространенность тождества «россиянин – русский»;

4) аморфность и неустойчивость базовых ценностей, определяющих этнополитическую ориентацию в решении этнонациональных проблем.

Совокупность данных предпосылок образует этнополитическую конфликтогенность, то есть конфликтный потенциал, составляющей которого является предрасположенность к позитивному восприятию этнического национализма и экстремизма, являющихся главными идейно-психологическими катализаторами этнополитических конфликтов. Отсюда возникает необходимость социологического анализа феномена этнополитической конфликтогенности, без которого невозможна разработка социологических основ деятельности по профилактике конфликтного поведения студенческой молодежи.

Этнополитическая конфликтогенность молодёжной среды интенсивно формируется в условиях несформированности институтов политической социализации, которые могли бы предупреждать или минимизировать негативные предпосылки в процессе научно-обоснованной образовательно-воспитательной деятельности. Постсоветская реальность такова, что молодежи приходится самостоятельно приспосабливаться к резко меняющейся социальной реальности в условиях открытого информационного пространства и отсутствия общенациональной идеологии, вследствие чего у молодых людей включаются свои, не всегда согласующиеся с общественными интересами, механизмы адаптации к окружающей социальной среде.

Студенчество в силу наиболее интенсивного вовлечения в информационно-образовательное пространство в большей степени, чем другие слои молодежи подвержена воздействию разнообразных идейно-политических воздействий и вынуждено делать непростой выбор между различными ориентациями, в том числе и в оценке этнических и миграционных процессов. Именно последним обстоятельством в решающей степени и определяется актуальность диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. В целом проблема феноменов межэтнического и этнополитического конфликта, этнополитической конфликтогенности достаточно содержательно исследована в трудах зарубежных и российских социологов, политологов и конфликтологов. Среди зарубежных исследователей целесообразно отметить Д. Армстронга, Э. Боначич, Р. Брубейкера, Э. Геллнера, У. Кимлика, У. Коннора, Р. Парка, Д. Ротшильда, Э. Смита, Э. Хобсбаума, М. Эсмана, К. Янга и других. В разработку этноконфликтологической проблематики значительный вклад внесен следующими отечественными учеными: А. Дмитриевым, Л. Дробижевой, В. Дятловым, А. Здравомысловым, В. Тишковым, М. Фадеичевой и др.

В контексте проблематики диссертации важное методологическое значение имеют исследования тех авторов, которые большое внимание уделили социологическому анализу феномена этнополитического конфликта. В их числе

следует отметить В. Авксентьева, А. Аклаева, В. Ачкасова, И. Бабкина, С. Зинева, А. Кима, О.В. Лобода, Э. Майборода, Н. Медведева, Ж. Тощенко, А. Хоца, В. Шнюкова, И. Ярулина и др. В их работах изучены особенности формирования и эскалации конфликтных ситуаций и конфликтов в сфере межэтнических и этнополитических отношений, которые непосредственно связаны с социально-экономическими, социокультурными и демографическими факторами, определяющими различные сдвиги и тенденции в социальной структуре и социальной стратификации. Вышеупомянутые отечественные авторы содержательно раскрыли природу этнополитического конфликта, стадии его созревания с точки зрения следующих социологических аспектов:

- этнополитический конфликт как вид социального конфликта;
- комплекс социальных предпосылок и факторов этнополитического конфликта;
- этнополитическая конфликтогенность как вид социальной напряжённости.

Особую значимость для реализации замысла диссертационной работы имеют исследования В. Альперович, А. Верховского, М. Кравченко, О. Сибиревой, Н. Юдиной. В их трудах скрупулёзно проанализированы проявления этнической ксенофобии и экстремизма, радикального национализма в молодёжной среде по состоянию на 2012 год. Кроме того в них рассмотрены проблемы противодействия этим негативным явлениям. Весьма важное значение имеют исследования В. Аванесяна, Ю. Антоняна, Я. Гилинского, А. Завалишина, Н. Костюриной, А. Осипова, А. Очкиной, А. Ростокинского, И. Сундиева, Е. Юрасовой. В них изучены социально-психологические механизмы и социокультурные предпосылки формирования экстремизма в молодёжной среде.

Вместе с тем, серьёзные теоретико-методологические и практические исследования в разработке проблемы этнополитических конфликтов находятся пока преимущественно в рамках предметного поля политической науки. При этом без серьёзного внимания остается такой социологический аспект как профилактика и глубокое предупреждение с точки зрения исследования факторов социализации, создающих предпосылки вовлечения различных социальных

общностей в этнополитические конфликты. Применительно к студенческой молодёжи необходима разработка методологии превентивной деятельности на основе социологического анализа этнополитической конфликтогенности в среде данной социальной группы.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования. В условиях этнокультурного сдвига, вызванного притоком масштабных миграционных волн из республик бывшего СССР и несформированности институтов социализации молодёжи с учетом постсоветской специфики национально-этнических отношений, студенческая молодежь Хабаровского края находится в состоянии этнополитической конфликтогенности.

Целью диссертационной работы является выявление и исследование этнополитической конфликтогенности с точки зрения социологического анализа особенностей её проявления в среде студенческой молодёжи Хабаровского края в аспекте разработки основ превентивной образовательно-воспитательной деятельности. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1. Раскрытие теоретико-методологических основ социологического подхода к изучению этнополитического конфликта.
2. Анализ этнополитического конфликта как социального процесса, имеющего свои стадии, динамику, социальную среду (контекст) в аспекте его предупреждения.
3. Выявление характера и содержания этнополитической конфликтогенности студенческой молодёжи посредством социологического анализа данных ранее проведенных и собственных прикладных исследований.
4. Социологический анализ результатов прикладных исследований с целью верификации рабочей гипотезы диссертации.
5. Определение и раскрытие основного содержания превентивной деятельности по снижению предрасположенности студенческой молодёжи к позитивному восприятию этнического национализма и экстремизма как социального процесса.

Объектом диссертационного исследования является этнополитический конфликт и этнополитическая конфликтогенность студенческой молодёжи как социальные феномены.

Предметом диссертационного исследования являются процессы формирования этнополитической конфликтогенности студенческой молодёжи Хабаровского края в условиях современного информационного пространства, образовательно-воспитательной среды и этнокультурного сдвига, вызванного притоком огромных миграционных волн из среднеазиатских и закавказских республик бывшего СССР.

Методологическая основа диссертационного исследования. В работе применяется совокупность научных методов познания социальных явлений и процессов, характерных для социологических трудов отечественных и зарубежных исследователей. К ним относятся: общенаучные и специальные методы изучения социальных явлений (конкретно-исторический, социологический, системно-структурный). В исследовании применяются общелогические методы: анализ, синтез, обобщение, сравнение. В диссертационном исследовании используются методы сбора первичной информации: анкетный опрос и анализ документов. Методологическую основу диссертационной работы по анализу конфликта как социального феномена составляют труды таких выдающихся представителей философской мысли как Г. Гегель, И. Фихте, К. Маркс, социологической мысли – О. Конт, Г. Спенсер, Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Дарендорф, Л. Кризберг, А. Аг, Д. Горовиц, К. Боулдинг. В процессе социологического изучения феномена этнополитического конфликта использовались подходы современных российских социологов, конфликтологов и этнополитологов – В.А. Авксентьева, А.Р. Аклаева, А.Я. Анцупова, В.А. Ачкасова, А.С. Кима, В.А. Семёнова, А.И. Шипилова. В ходе социологического анализа предпосылок экстремизма и ксенофобии использованы исследования В. Аванесяна, Ю. Антоняна, Я. Гилинского, А. Завалишина, А. Осипова, А. Очкиной, А. Ростокинского, И. Сундиева, Е. Юрасовой. Кроме того в работе использованы классические теоретические положения и выводы следующих

смежных дисциплин: социологии, философии, конфликтологии, психологии, этнополитологии, этнополитической конфликтологии.

Эмпирическая база диссертационного исследования. Её составляют как данные, полученные из вторичных источников, так и результаты собственных исследований соискателя. К первой группе данных относятся результаты и выводы исследований студенческой молодежи, проведенные в высших учебных заведениях Пензенской области и Хабаровского края (2008 г. и 2013 г. соответственно), а также социологического анализа межэтнического конфликта с участием студенческой молодежи в Ставрополе (2007 г.), опубликованные в трудах российских социологов А. Очкиной [100], А. Завалишина, Н. Костюриной [55], В. Авксентьева, С. Зинева, Э. Майборода [5].

В сентябре 2013 г. соискателем был проведен анкетный опрос по проблематике диссертации студентов следующих ведущих вузов Хабаровского края: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, N=108), Хабаровской государственной академии экономики и права (ХГАЭП, N=119), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС, N=97) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КНАГТУ, N=201). В феврале 2014 года в тех же вузах соискатель провел повторный анкетный опрос в рамках проекта «Высшие учебные заведения Хабаровского края – территория межнационального согласия: профилактика этнического экстремизма». Были опрошены студенты: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, N=259), Хабаровской государственной академии экономики и права (ХГАЭП, N=267), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС, N=266) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КНАГТУ, N=241). В общей сложности было опрошено 1558 респондентов, доверительная вероятность составила 95%, доверительный интервал $\pm 3,9\%$; выборка была случайная на этапе отбора респондентов.

Кроме того, диссертационное исследование опирается на результаты проведенных проведенных в течении 2011-2014 годов в ведущих высших учебных

заведениях Хабаровского края научно-образовательных семинаров и интерактивных образовательно-воспитательных мероприятий по проблемам межэтнических отношений (мастер-классов, дебатов, общественных дискуссий). Изучение настроений студенческой молодежи базировалось также на основе интервьюирования преподавателей высших учебных заведений, читающих дисциплины и ведущих практические занятия по социологии, политологии, конфликтологии, связям с общественностью. В качестве эмпирической базы исследования были также привлечены материалы периодической печати, данные из трудов отечественных и зарубежных учёных по проблематике межэтнических отношений, межэтнических, этносоциальных и этнополитических конфликтов.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Этнополитический конфликт является социальным процессом, в основе которого лежит совокупность социальных противоречий, которые активно мобилизуются различными социальными элитами с целью реализации своих интересов. Происходит формирование единого конфликтного процесса межэтнического взаимодействия на основе слияния разнородных локальных предконфликтных, конфликтных и постконфликтных событий на основе общей этноконфликтогенной доминанты.

2. Студенческая молодёжь идентифицирует себя с социальной группой и, следовательно, с соответствующими экономическими и социальными интересами, намного слабее, чем с принадлежностью к определенной культуре, что создает благоприятную почву для последующего развития этнонационалистических взглядов и настроений. Формирующаяся таким образом ментальная база этнического национализма, предполагающая образ врага в лице людей другой этничности и культуры, является основополагающим элементом этнополитической конфликтогенности студенческой молодёжи.

3. Этнополитическая конфликтогенность представляет собой мультипликативный эффект, который в значительной степени формируется следующими факторами. Во-первых, это воздействие глобальной информационной сети – Интернет. Во-вторых, отсутствие личного опыта

межэтнического взаимодействия на основе ценностей толерантности и интернационального сотрудничества. В - третьих, отсутствие системности в преподавании гуманитарных дисциплин, приводящего к тому, что у студентов не складывается целостной картины развития общества.

4. Этнополитическому риску подвержена и благополучная с точки зрения межэтнической толерантности часть студенчества. Ведь неизвестно насколько они окажутся последовательны в своих взглядах в условиях несформированности институтов политической социализации и открытого информационного пространства. Далеко не у всех из них соответствующие позиции имеют устойчивый и зрелый характер.

5. В учреждениях высшего образования следует осуществлять технологичную превентивную деятельность по профилактике предрасположенности молодежного сознания к идеям и представлениям этнического национализма и экстремизма. Основу превентивной деятельности должны составлять не только теоретико-методологические разработки, в нее должны включаться методики и технологии интерактивного характера (научно-образовательные семинары, диспуты, дискуссии, дебаты, мультимедийные проекты). Такого рода деятельность должна выстраиваться как одно из важнейших направлений формирования региональных и муниципальных систем конфликтологического мониторинга межэтнических отношений.

Научная новизна диссертации и результаты, полученные лично соискателем.

1. Обоснован и определен социологический подход к исследованию этнополитического конфликта, базирующийся на авторской версии анализа социально-философских и социологических основ изучения конфликта как социального феномена.

2. На основе анализа этнополитического конфликта как социального процесса, имеющего свои стадии развития, динамику и социальный контекст, исследована логика формирования единого конфликтного процесса межэтнического взаимодействия с участием студенческой молодежи.

3. Осуществлено социологическое обоснование этнополитической конфликтности молодёжной среды на основе сравнительного анализа социологических исследований на региональном уровне.

4. Проведены, социологически обоснованы и проанализированы данные социологических исследований, направленных на выявление этнополитической конфликтности студенческой молодёжи Хабаровского края.

5. На основе результатов и выводов прикладных исследований определены основные направления превентивной деятельности по предотвращению участия студенческой молодежи в этнополитических конфликтах и основы ее социологического анализа.

Достоверность и надёжность научных результатов диссертационного исследования. Степень достоверности и надёжности результатов диссертационной работы обусловлена использованием в процессе аналитического обоснования теоретических концепций и методологических подходов отечественных и зарубежных учёных в области социологии, этносоциологии, общей конфликтологии, этнополитической конфликтологии и этнополитологии. Научные выводы и результаты соискателя базируются на результатах вторичного анализа ряда региональных социологических исследований, результатах собственных социологических исследований, монографических и прикладных исследований ведущих отечественных социологов, научных публикаций в российских научных журналах, материалах международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций по заявленной в диссертации проблематике.

В основе выводов и результатов диссертационного исследования лежат многочисленные количественные (анкетные опросы студенческой молодёжи, экспертные опросы ведущих специалистов в области национальной политики и межэтнических отношений, представителей научно-педагогической общественности, региональных и местных органов государственной власти, различных общественно-политических, этнокультурных и национально-культурных организаций) и качественные (интерактивные мероприятия: мастер-

классы, дебаты, диспуты), многие из которых проведены в мониторинговом режиме при непосредственном участии соискателя.

Практическая значимость диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в учебно-воспитательной и социально-образовательной деятельности учреждений высшего и среднего профессионального образования, региональных и местных органов государственной власти, формирующих и реализующих государственную национальную и молодёжную политику. Кроме того, результаты диссертации могут применяться в деятельности национально-культурных, этнокультурных, молодёжных и различных общественно-политических организациях, занимающихся формированием межнационального согласия и сотрудничества, этнорелигиозной толерантности.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации использованы в выступлениях соискателя на Всероссийской научно-практической конференции «Комплексное развитие Юга Дальнего Востока России» (Хабаровск, 2009), научно-образовательных семинарах и других интерактивных мероприятиях в рамках деятельности Хабаровского межвузовского конфликтологического центра (Хабаровск, 2011 – 2013). Положения и результаты диссертационной работы использованы в отчете о результатах исследований по проекту «Высшие учебные заведения Хабаровского края – территория межнационального согласия: профилактика этнического экстремизма», финансируемого Правительством Хабаровского края в рамках конкурса социально ориентированных некоммерческих организаций по приоритетному направлению «Развитие межнационального сотрудничества» и реализованного в ведущих высших учебных заведениях Хабаровского края с января по май 2014 года. Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 8 научных трудах, в том числе 2 монографиях и 6 статьях, из которых 5 в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определённых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации

основных научных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, списка использованных источников, содержащего 165 наименований, одного приложения.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

1.1. Социологический подход к определению сущности этнополитического конфликта

Социальный конфликт – это наиболее широкое понятие, используемое в современной социологии для обозначения любого типа конфликта в социальных системах, обществе в целом. Типологические характеристики различных видов конфликта и форм его проявления невозможно понять без рассмотрения сущности социального конфликта. В чем же заключается специфика социологического подхода к исследованию феномена конфликта? И каким образом выявленная специфика может быть использована для определения сущности такого вида социального конфликта как этнополитический конфликт? Прежде всего следует отметить, что конфликт – феномен, наиболее распространенный в окружающей нас социальной среде. Первоначальное восприятие конфликта как в обыденном сознании, так и в теоретическом дискурсе в общем-то и происходит по линии его признания как социально-психологического явления. Ведь конфликты ассоциируются прежде всего с межличностными отношениями, взаимодействием между различными социальными субъектами.

Между тем существуют серьезные основания полагать, что конфликт – междисциплинарная проблема. Именно этим можно объяснить возникновение специальной дисциплины, исследующей феномен конфликта – конфликтологии. Ее возникновение и развитие вызвано объективной необходимостью, связанной с признанием сложной, многоплановой, имеющей множество измерений природой конфликта. В тоже время очень многие представители конкретных научных направлений и специализированных отраслей научного знания работают с измерением конфликтных процессов в русле традиционно сложившихся у них

аналитических парадигм. При этом они не выходят за рамки привычного для своего профессионального сообщества дискурса. Признавая ограниченность такого подхода ввиду мультипарадигмальности аналитического пространства изучаемого феномена, тем не менее необходимо отметить, что в рамках исследования конфликта как социального феномена приоритетны теоретико-методологические и прикладные усилия прежде всего социологического сообщества.

Дело в том, что за период истекшего столетия основной вклад в развитие теории конфликта внесла социология. Объяснить это можно следующими причинами. Во-первых, стал возникать и развиваться общественный спрос на научно обоснованные рекомендации, помогающие предотвращать и разрешать конфликты, стимулировавший социологические исследования. Во-вторых, социология, ставшая по мере своего становления и развития интегративной наукой об обществе, синтезировала конфликтологические знания, объединяя таким образом усилия ученых различных смежных дисциплин в исследовании феномена конфликта.

Интегративность социологического подхода к изучению феномена конфликта заключается прежде всего в его философских основаниях. Философский анализ противоречий и конфликтов начался с появлением первых философских систем. Первоначально проблема здесь приобрела форму противостояния концепций абсолютной разрешимости («позитивная» диалектика, метафизическая философия и др.) и принципиальной неразрешимости противоречий («отрицательная» диалектика и др.). Так, позитивная диалектика Гераклита считала основой мира его единство, а противоречия – легкоустраняемыми при помощи правильного отражения мира, когда находится единая основа противоположных сторон противоречия. У представителей более поздних периодов развития философии разрешение противоречий также трактовалось как нахождение их объективного основания, где противоположности совпадают вплоть до неразличимости. Например, это прослеживалось в идеях Н.Кузанского и Д.Бруно. У философов-метафизиков (Р.Декарта, Г.В.Лейбница, Л.Фейербаха и других) присутствовало

понимание противоречий, как феноменов мышления, разрешаемых средствами формальной логики. Именно поэтому идеалом науки и философии того времени было создание логически непротиворечивых теорий [110, С.17-18]. Две линии в понимании разрешения противоречий абсолютизируют различные, хотя и крайне противоположные подходы к пониманию разрешения противоречий: одни считают, что возможно абсолютное разрешение всех противоречий, а другие постулируют принципиальную неразрешимость противоречий, преувеличивают момент борьбы противоположностей и развертывания противоречий. В целом же можно сделать вывод, что и те и другие концепции подробно противоречия и их разрешение не рассматривают, полагая, что противоречия – препятствие на пути познания. Естественно, это приводит к методологическому тупику в исследовании проблемы разрешения противоречий.

В кантовской философии противоречия общественного развития понимаются как то, что способствует развитию общества. Однако И.Кант считает, что полное разрешение социальных противоречий невозможно, социальный прогресс рассматривается им чисто количественно, цель никогда не может быть достигнута. Так, общественные противоречия сводятся им к противоречию процесса и цели. Основным методом И.Канта при разрешении противоречий – сведение их к более общим противоречиям и как следствие – разведение противоположностей в разные отношения. Выступая как опосредующее звено между отрицательной диалектикой и метафизикой, концепция И.Канта отдавала дань обоим этим направлениям. Вместе с тем был поставлен вопрос о последовательном анализе противоречий и их разрешений. Кант «заострил» антиномии, свел их к более глобальным противоречиям, показал неразрешимость последних и не пытался спекулятивным путем разрешить их. В кантовской философии использованы все возможности такого пути разрешения противоречий в условиях ограничения их разрешения рамками сознания [110, С.24-25].

Выявленные И.Кантом противоречия попытался разрешить его последователь Г.Гегель. Он называет кантовское разрешение противоречий тривиальным. По его мнению, противоречие у И.Канта «...не разрешается, а лишь отодвигается куда-то

в другое место, в субъективную или вообще внешнюю рефлексию» [37, С.498]. Движения противоречия, по Г.Гегелю, можно интерпретировать так: тождество – противоречие существует только на внутреннем уровне; абсолютное различие (первая степень различия) – внутри предмета начинают преобладать центробежные, противоположные тенденции; разность (вторая ступень различия) – безразличное, случайное отношение двух противоречивых предметов; противоположность (существенное различие) – предметы относятся друг к другу как полюса, полярно; противоречие – тесное взаимодействие полярных предметов. Это взаимодействие ведет к превращению полюсов друг в друга, к разрешению противоречия, выходу в основание, свертыванию противоречия [109, С.30]. Примирение сторон противоречия понимание Гегелем в нескольких аспектах. Во-первых, все развитие замыкается в завершающем состоянии абсолюта, поэтому окончательной целью и окончательным устремлением философии является примирение мысли, понятия с действительностью. Во-вторых, Г.Гегель выступает как теоретик социального компромисса, для которого разумная точка зрения есть примирение с действительностью. В-третьих, иногда нейтрализация противоположностей в мышлении происходит уже тогда, когда вместо перехода к синтезу ограничиваются констатацией существующего единства тезиса и антитезиса. Примечательно то, что в самом основном методе разрешения противоречий Г.Гегеля коренится противоречие между необходимостью в целях более полного охвата действительности учитывать неразрешенные объективные противоречия и стремлением свести все противоречия к непротиворечивым состояниям при помощи умозрительных конструкций [111, С.32-33].

Таким образом, немецкая классическая философия представлена следующими основными линиями, являющимися методологическими предпосылками современного анализа феномена конфликта. Во-первых, это подход Канта к разрешению противоречий, в котором упор сделан на фиксацию разрешений противоречий на данном уровне и сведением их к более общим противоречиям (при этом дается подробный анализ современного уровня противоречия, но

ограничено прогнозирование их дальнейшего движения). Во-вторых, это линия Гегеля – разрешение противоречий как поворачивание их вспять и анализ их истоков, «целостного» состояния объекта и создание на этой основе умозрительных конструкций. По такому пути пошли кроме Г.Гегеля, И.Г.Фихте и Й.Шеллинг, но у Г.Гегеля умозрительные концепции самые совершенные. Упор сделан на прогнозирование дальнейшего движения противоречий, однако недостаточна направленность на подробный анализ их современного состояния [110, С.36].

Концепции разрешения линии Гегеля в силу их умозрительности склонны к все большему умножению, концепции линии Канта склонны к все более точному отражению противоречий и их разрешения и поэтому к уменьшению их числа. В начале и середине 19 века доминировала линия Гегеля. Это вело ко все новым рецептам разрешения противоречий, составленным на умозрительной основе. Для свертывания этого излишнего многообразия необходимо было добиться доминирования линии Канта. Однако, ни линия Гегеля, ни линия Канта не могли дать конструктивного прогноза дальнейшего движения и разрешения противоречий в силу их односторонности. Необходим был их синтез как условие выхода из методологического тупика [110, С.36]. Осуществление решения этой задачи взяла на себя марксистская философия.

В отличие от немецкой классической философии, в марксизме противоречие представляет собой философскую категорию, отражающую процесс взаимодействия взаимоисключающих, противоположных сторон, моментов, тенденций развития во всех явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе) [83, С.317]. Противоречие здесь выступает как сущность самодвижения мира, но не в качестве атрибута абсолютной идеи, а как сомоотрицательное отношение предмета к самому себе. Опираясь на такое понимание противоречия, К.Маркс и Ф.Энгельс сумели преодолеть ограниченность прежних трактовок и синтезировать основные линии понимания разрешения противоречий. Не фиксирование противоречий и сведение их к более общим, не соединение противоположностей при помощи умозрительных

конструкций, а подробный анализ движения противоречий и прогнозирование на этой основе форм и методов предстоящего разрешения противоречий составляют концепцию марксизма [110, С.37]. Разрешение противоречий представлялось классиками марксизма как синтез противоположностей, то есть такое их соединение, в результате которого получается не какофония, а симфония. Под симфонией следует понимать равномерное, ритмичное следование циклов разрешения и возобновление противоречий по законам гармонии. Являясь продолжением традиций немецкой классической философии, марксизм вобрал в себя все богатство разработанных последней форм и методов разрешения противоречий, материалистически их переосмыслив [110, С.39].

Характеризуя в целом марксистскую концепцию разрешения противоречий, приходится констатировать, что в ней присутствует противоречие между научным анализом движения и разрешения противоречий и ее революционным характером. Если на ранних этапах развития марксизма доминировала научная сторона учения, то в дальнейшем – революционная. С одной стороны, важным достижением марксистской диалектики явилось продолжение разработки асимметрии противоположностей, а с другой, марксистская концепция разрешения противоречий ограничивалась панлогическими и прагматическими наслоениями, вызванными тем, что данная концепция входила составной частью в учение об исторической миссии пролетариата [110, С.44]. Такая противоречивость заложена уже в самой характеристике пролетариата как революционной (отрицательной) противоположности, заинтересованной в свертывании противоречий капиталистического общества, и буржуазии как консервативной (положительной) противоположности, заинтересованной в сохранении и развертывании этих противоречий. Все это не могло не привести к искажению картины исследуемых противоречий в интересах класса, которому марксизм служил к качеству идейного оружия [122, С.161].

Анализ философских концепций разрешения противоречий ценен не только тем, что в них схвачены основные черты развертывания и разрешения реальных противоречий и конфликтов, но и тем, что в современных подходах к разрешению

противоречий они продолжают существовать. Так, современные последователи Г. Гегеля, неогегельянцы Александр Кожев, Френсис Фукуяма и другие, вполне в духе своего основоположника предполагают конец истории как полное разрешение социальных противоречий [141, С.48-56]. Таким образом, социологический подход к исследованию феномена конфликта базируется на солидном теоретико-методологическом философском фундаменте.

Такого рода фундаментальность в значительной степени и определила в последующем вектор социологического анализа феномена конфликта. В значительной степени это проявилось в перенесении представления о противоречиях в социальные системы. При этом противоречия и конфликты понимались как виды социальных взаимодействий. Так, современный российский социолог В.А. Семенов, опираясь на опыт диалектических исследований социальных противоречий, считает, что они имеют ряд следующих особенностей.

1. Ввиду высокого динамизма социальных противоречий, в них отчетливо проявляется не только восходящая, но и нисходящая ветвь их развития.

2. Благодаря этому хорошо прослеживается фаза свертывания системы противоречий.

3. В силу вышеизложенного в социальных противоречиях возможно не только частное, относительное, но и полное, абсолютное их разрешение.

4. Кроме того, здесь присутствует специфический тип противоречий – антагонистический – со своими особыми фазами.

5. В переломном моменте движения противоречия (конфликта) отчетливо выделяются: а) вычленение ведущего противоречия или конфликта; б) кризис перед разрешением противоречия или конфликта, принимающий очень острые формы.

6. Как результат познания противоречий (конфликтов) и возможности их регулирования вероятно сокращенное разрешение так называемых субъективных противоречий. Кроме того не исключено также сокращение фаз, например деструктивный скачек (скачек сокращенного типа).

Кроме того В.А. Семенов полагает, что большое внимание в социальных противоречиях необходимо уделять стихийному или сознательному действию субъективного фактора. С прогрессом общества, со все большим познанием законов общественного развития увеличивается сознательность действия субъективного фактора. С большой сознательностью действия субъективного фактора в социальных противоречиях и конфликтах возможно сокращение сферы действия саморазрешения [110, С.123-124].

Следующим обстоятельством, определяющим интегративность социологического подхода, является наличие в его рамках следующих двух направлений, которые подтверждают приоритет социологии, по сравнению с другими науками, в попытках представить систематизированное теоретическое описание конфликта как социального феномена. О них высказывался венгерский социолог Аттила Аг в своей книге «Конфликты и войны». Первое – «традиционные, классические теории, подходящие к основам конфликта главным образом с правовой, философской, исторической и общесоциологической точек зрения, то есть предлагающие философию конфликтов (данное направление наиболее полно представлено в теории международных конфликтов трудами, например Моргентау, Кеннана, Франкеля); второе направление – модернистско-сциентическое на структурно-функциональной основе, стремящейся к математизированно-формализованному подходу и сочетанию эмпирии и математики конфликтов [6, С.113].

Первое, «традиционное» направление можно попытаться определить как «качественный» вид анализа, а второе – как использующее в основном «количественный» вид анализа. При этом оба направления в методологическом отношении объединяет одна основа – функционализм, что в определенной мере объясняется изначально существовавшей мощной ориентацией социологии на позитивизм (О. Конт, Г. Спенсер). С этой точки зрения пионерами в области разработки теоретического каркаса понимания феномена конфликта было бы справедливо назвать таких ученых, как Г. Зиммель и Л. Козер. Обоих можно назвать классиками социологической мысли XX столетия. Оба опирались на

методологический ресурс функционализма в подходе к исследованию феномена конфликта. Примечательно то, что за время прошедшее с момента появления их концепций, ничего принципиально нового в теорию конфликта добавлено не было. Даже весьма популярная в 90-е гг. теория фрустрации универсальных человеческих потребностей Джона Бертона не выходит за пределы базисных допущений Г. Зиммеля и Л. Козера [111, с. 14-15, 22].

Несмотря на принадлежность к различным направлениям классической социологии конфликта, многие ученые определяют социальный конфликт через его связь с противоречием или одним из его моментов – борьбой противоположностей. Например, известный американский социолог Л. Козер считал, что социальный конфликт является борьбой за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы. Согласно другому американскому исследователю К. Боулдингу, конфликт – это осознанные и созревшие противоречия и столкновения интересов [62, С. 38]. В российской социологии еще с советских времен стало традицией характеризовать (пусть и с разной степенью допущения) социальный конфликт как высшую стадию развития противоречий в системе отношений людей, социальных групп, социальных институтов, общества в целом, которая характеризуется усилением противоположных тенденций и интересов социальных общностей и индивидов [78, С.125]. В концепциях, которые следуют такой традиции, социальное противоречие трактуется как отношение взаимного проникновения (взаимополагания) и взаимоисключения противоположностей в единой социальной системе. Социальное противоречие – это, с одной стороны, взаимообуславливающие, неразделенные элементы какого-то целого, а с другой – взаимоисключающие противоположности.

Применительно к этнополитическим конфликтам социологическая парадигма конфликта, рассматривающая в качестве его основы противоречия, трактует их соответственно как результат неразрешенности всех противоречий, связанных тем или иным образом с этническим взаимодействием или этнической идентичностью. Если социальный конфликт в широком смысле слова это

противоборство социальных общностей и индивидов с целью реализации их противоречивых интересов и ценностей, то этнополитический конфликт выступает как специфический вид конфликта социального. При рассмотрении этнополитического конфликта в ракурсе социологического анализа не трудно заметить, что он обладает всеми основными признаками любого социального конфликта. Это проявляется в следующих моментах.

Первый момент связан с тем, что в этнополитическом конфликте, как и в любом социальном конфликте, присутствуют различные социальные акторы (субъекты). На уровне социальной общности – это этносы, нации, национально-государственные образования; на уровне непосредственного социального действия (реально действующие социальные акторы конфликта) – это органы государственной власти, этнические элиты, политические партии и общественные организации, этнополитические движения. Между этими социальными акторами формируются многоаспектные отношения, которые могут привести либо к конфликтному, либо к консенсусному (интеграционному) взаимодействию. Что касается этнических общностей, то многие из них в современном обществе функционируют в национальной форме, то есть обладая атрибутами национально-государственных сообществ и являясь так называемыми титульными этносами (дающими название национальному государству, основной язык и культуру), вследствие чего нередко межэтнические противоречия приобретают форму межнациональных противоречий. Именно поэтому межэтнические конфликты могут обозначаться как национально-этнические. В свою очередь национально-этническая форма, в которую облекается межэтническая напряженность, во многом носит политический характер, поскольку нация – это политическая общность людей. Социальные требования этнического характера приобретают политический характер ввиду: во-первых, осознания этническими общностями своих интересов и потребностей, как имеющих шанс реализоваться только через признание государственными, политическими институтами; во-вторых, эксплуатации этнических чувств, использовании этнических настроений с целью политической мобилизации социальных общностей различными политическими

организациями и движениями. Поэтому этническая форма социальных конфликтов практически всегда рано или поздно начинает проявляться в политической форме, что дает основание позиционировать межэтнические конфликты как конфликты этнополитические.

Второй момент определяется характером противоречий, возникающих в процессе взаимодействия социальных акторов (субъектов) этнополитического конфликта. С точки зрения социологического подхода, межэтнические противоречия носят социальный характер, так как созревают на основе противоречивости интересов этнических общностей, вследствие неравенства их статуса и ролей в определенной социальной системе. С этой точки зрения, социальный контекст (среду) межэтнических противоречий составляют этнические характеристики основных социальных групп и слоев, взаимосвязь социальной стратификации и этнических процессов. В данном контексте при определенных условиях могут созреть, противоречия «в ранговой или стратифицированной системе межэтнических отношений» [9, С.190]. По мнению российских исследователей А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова, в этой системе различные этнические группы занимают неодинаковое место относительно друг друга на шкале власти, престижа и богатства, а центр политической власти и государственный аппарат контролируется господствующей (или составляющей большинство) этнической общностью. Подчиненная общность (или общности) остаются в маргинальном положении [9, С.190]. Статусные противоречия, составляющие этносоциальное неравенство приводят к неравному распределению политической власти между этническими общностями. Таким образом, этносоциальное неравенство можно полагать неравенством этнополитическим, поскольку оно предопределяет в том числе и неравные политические статусы различных этносов. В свою очередь, этнополитическое неравенство постоянно генерирует проблемы доступа к общественным ресурсам и обладания ими, то есть неравенство этносоциальное. Оба вида неравенства приводят к возникновению социально-конкурсных ситуаций между этническими общностями, формируют конфликтогенную среду [68, С.27.]. Такие выводы можно подкрепить мнением

классика социологии конфликта Р. Дарендорфа о том, что «центральный конфликт всех социальных систем (а этнос или нация – это специфическая этносоциальная система) коренится в распределении власти и влияния» [17, С.225].

Третий момент связан с тем, что социология как наука, исследуя проблемы межгруппового взаимодействия, опирается на выводы смежной с ней дисциплины - социальной психологии. В контексте социологического анализа этнополитических конфликтов неизбежно возникает необходимость выявлять их социально-психологическую составляющую именно в ракурсе исследования групповой деятельности, коллективных действий. С этой точки зрения, социальную напряженность в процессах межэтнического взаимодействия возникающую, как правило, вследствие ущемленности интересов одних общностей и доминирования интересов других, можно рассматривать как социально-психологический феномен, включающий в себя ощущения ущемленности или доминирования. Например, к ним относится психологическое восприятие этнической общностью угрозы своему существованию. К психологическим компонентам межэтнической напряженности относятся этническая ксенофобия, националистические настроения и чувства. Социально-психологический аспект этнополитических конфликтов реализуется так же в определенных поведенческих механизмах, запускающих проявления группового эгоизма, которые неизбежно провоцируют конфликтную ситуацию. Исследования социальных психологов показывают, что идентичность личности в значительной степени связана с ее групповой идентичностью и осознанием групповой аффилиации (принадлежности к группе). Именно поэтому любая угроза групповой идентичности вызывает у индивидов чувство тревоги. Вследствие этого у людей часто возникает враждебность и даже агрессия к тем, кто вызывает у них чувства неопределенности и неуверенности в правильности их поведения и поведения той социальной группы, к которой они принадлежат. Причем, как показывают социально-психологические исследования, люди часто реагируют на такие ситуации непропорционально характеру стоящей перед ними угрозы. По

мнению американского социолога Доналда Горовица, анализ этнополитического конфликта с точки зрения психологии демонстрирует то, что в его динамике отчетливо прослеживаются действия двух механизмов («императивов») поведения – социально-психологического и институционального. Анализ социально-психологических механизмов помогает понять почему этнические массы следуют за этническими лидерами, объясняет интенсивность групповых реакций даже на весьма скромные конфликтогенные стимулы. Социально-психологический императив поведения является спонтанным и основывается на коллективных чувствах, в то время как институциональный контролируется социальными институтами и рационально структурируется лидерами движений и организаций. Чем более спонтанным является конфликтное поведение групп, тем большее значение среди причин этнополитического конфликта имеет социальная психология групповой титулованности. И наоборот, чем более контролируемо конфликтное поведение, тем большую значимость для понимания его причин имеют социальные институты и элементы социальной инженерии [7, С. 227-229].

Четвертый момент характеризуется общими структурными характеристиками этнополитического конфликта, которые являются абсолютно такими же, как и во всех видах социальных конфликтов. К ним относятся границы конфликта, конфликтная ситуация, социальные контекст (социальная среда) конфликта.

Под границами конфликта понимаются его внешние пределы в пространстве и времени, его положение в более широкой системе социальных отношений. Границы бывают: пространственные, временные и внутрисистемные. Первый вид границ конфликта определяется территорией, на которой он происходит. Второй вид характеризует его продолжительность во времени (его начало и конец). Третий вид характеризует место, занимаемое противоположными сторонами в рамках более широкой социальной системы, которая может быть представлена социальными общностями, организациями, государством, зарубежным регионом или мировым сообществом в целом. Конфликт между сторонами, входящими в одну систему, может быть глубоким (обширным) или же ограниченным (частным).

Конфликтная ситуация составляет основу конфликта. Она является исходной позицией уже проявляющегося, то есть манифестного конфликта. Конфликтная ситуация назревает вследствие накопления и обострения противоречий в системе социальных связей группового поведения и межэтнического взаимодействия. Конфликтная ситуация включает в себя такие структурные компоненты как: субъекты конфликта, взаимодействия между ними, предмет конфликта.

Социальный контекст (среда) конфликта – это окружающая социальная среда конфликтного взаимодействия. Она бывает двух типов: внутренняя и внешняя. Первый тип социальной среды этнополитического конфликта связан с существующими и функционирующими внутри социальной системы типами этносоциальной стратификации и моделями этнической политики, включающих в себя политическую организацию и мобилизацию этничности, формы политического действия, внутриэтническую политическую дифференциацию и конкуренцию этнических элит. Второй тип социальной среды – внешняя среда сводится в основном к международному контексту этнополитического конфликта. Например, это процессы интернационализации этнических процессов, процессов межэтнического взаимодействия, этнической и внешней политики государств [7, С. 79-82].

Исходя из вышеизложенного предпримем попытку дать определение этнополитического конфликта. С учетом положения Л. Козера, о том, что социальный конфликт следует рассматривать как «борьбу по поводу ценностей или притязаний на ограниченном доступные статус, власть или ресурсы, в которой каждая из сторон стремится нейтрализовать, ущемить или подавить цели противостоящей стороны» [152, С. 58], а также мнения К. Боулдинга о том, что социальный конфликт – это осознанные и созревшие противоречия и столкновения интересов, предположим, что этнополитический конфликт можно рассматривать как наивысшую стадию развития противоречий в системе отношений этнических индивидов, этнических общностей, социальных институтов, общества в целом, которая характеризуется агрессивным столкновением интересов различных общественных движений и объединений,

осуществляющих политическую мобилизацию и использование этнической идентичности в борьбе за власть и влияние в социальных системах. Кроме того необходимо особо выделить, что сформулированное нами понятие базируется также на мотивационном подходе к определению конфликта, яркими представителями которого выступили Р. Дарендорф и Л. Кризберг.

Так, последователи Р. Дарендорфа ставили в центр внимания мотивы конфликтного действия. Такой подход разделяют большинство современных ученых – конфликтологов. Он предполагает более широкую трактовку социального конфликта, включающую не только поведенческие, но и мотивационно-психологические составляющие. Например, Л. Кризберг считал, что «конфликт представляет собой любое отношение между двумя и более сторонами, которые уверены в том, что имеют несовместимые цели» [7, С. 22]. Именно поэтому в рамках мотивационного подхода появляется возможность лучше понять какие намерения индивидов и групп и каким образом обусловили столкновения социальных субъектов. Ведь само по себе существование этнических различий как таковое нельзя отнести к причинам этнополитических конфликтов. К причинам последних нельзя отнести и социально-экономические, культурные и политические явления, даже имеющие кризисный характер. Этнополитический конфликт, как специфическое проявление социального конфликта, начинает созревать только тогда, когда у определенных групп общества появляется мотивация идентифицировать экономические трудности и политические проблемы, а также культурные, религиозные различия в этнических категориях и использовать в целях реализации определенных социальных интересов. Следовательно, необходимо отделять предпосылки конфликтов от их действительных причин.

Действительные же причины этнополитического конфликта, по мнению многих известных исследователей, коренятся в сфере деятельности социальных субъектов, мотивированных в силу своих определенных интересов на политическую мобилизацию этничности. Так, известный российский конфликтолог В. А. Авксентьев определяет этнополитический конфликт «как тип

социального конфликта, субъекты которого идентифицируют себя, противоположную сторону или друг друга в этнических категориях и содержанием и/или формой является борьба за контроль над государственными институтами» [2, С. 211]. Другой известный отечественный исследователь этноконфликтных процессов В.А. Ачкасов полагает, что этнополитический конфликт выступает частной формой конфликта социального, обладая при этом своими специфическими особенностями, в числе которых то, что этничность может быть лишь «камуфляжем» политической борьбы [13, С. 182]. Известный дальневосточный этноконфликтолог А.С. Ким понимает этнополитический конфликт как вид (тип) политического конфликта, который характеризуется противоборством политических групп (движений, организаций) посредством мобилизации этнических ресурсов (традиций, обычаев, ценностей, исторической памяти, мифов и символов) с целью разрешения национально-этнических противоречий в своих интересах, которые не всегда (и необязательно) совпадают с объективными интересами мобилизуемых общностей [68, С. 31]. С данным утверждением коррелируется вывод В. А. Авксентьева о том, что консолидировать неэлитные массы на основе целей и интересов этнической элиты достаточно трудно, поэтому должно произойти замещение, как правило узкоэлитарных, зачастую откровенно гедонистических целей этнической элиты целями, которые могут быть восприняты этнической группой в целом. Главная задача этнической мобилизации – трансформация конфликта интересов в конфликт ценностей (идентичностей)» [2, С. 214 – 215].

На основе проанализированного социологического подхода попытаемся выявить социальную сущность этнополитических конфликтов. Как показал анализ, этнополитический конфликт по своим типологическим характеристикам является особым видом социального конфликта. Его потенциальными социальными акторами (субъектами) выступают этнические общности, интересы которых становятся противоречивыми вследствие неравенства их положения в системе этносоциальной стратификации. Однако противоречие еще не есть конфликт. Для его созревания и последующей манифестации необходима

этнополитическая мобилизация. Ее целью является осознание массами противоположности и несовместимости своих интересов с интересами других этнических общностей, которое формируется этническими элитами для консолидации этнических индивидов в своих корпоративных целях. Социальное неравенство и социальная несправедливость, различные социальные проблемы и кризисные явления несомненно являются объективными предпосылками таких конфликтов, но их пусковым механизмом является деятельность определенных организованных групп, мотивированных в силу своих интересов и ценностей на конфликтное взаимодействие. В этом обстоятельстве и заключается, на наш взгляд, ключ к раскрытию социальной сущности этнополитических конфликтов. Иными словами этнополитический конфликт – это способ снятия обострившихся до предела социальных противоречий между этническими общностями посредством мобилизации их идентичности различными группами и организациями, преследующими свои корпоративные интересы. Следует отметить, что речь идет не о рациональном способе снятия социальных противоречий, а о деструктивном. Деструктивность заключается в эскалации социальной напряженности в межэтническом взаимодействии, групповом эгоизме, приводящем к ущемлению интересов различных этнических групп, доминированию только одного народа.

Как показал проведенный анализ, специфика социологического подхода к определению социальной сущности этнополитического конфликта заключается в следующих двух моментах: 1) соединение философских и общесоциологических методологических установок к исследованию феномена конфликта; 2) опора на структурно-функционалистское наследие, проявляющееся в том, что причины и условия конфликтов коренятся в организации и структуре социальных систем. По этой причине социологический подход следует обозначить как совокупность структурных концепций конфликта. В отличие от последних факторные концепции акцентируют свое внимание на выявлении причин конфликта с точки зрения действия конкретных факторов на уровне индивидуального и группового поведения. Так, с точки зрения этнополитологии, этнополитический конфликт

следует рассматривать как политический процесс, пусковым механизмом которого является деятельность государства, политических партий, общественных организаций и других политических институтов.

Таким образом, предметом социологического исследования этнополитического конфликта является комплекс связей и отношений, находящихся в сфере влияния этносоциальной стратификации и этнического взаимодействия как социальных процессов на формирование межэтнической напряженности, группового и корпоративного этнического эгоизма. Поэтому социологический подход не может устраниваться от анализа коллективных действий и деятельности групп в этнополитическом конфликте как социальном процессе.

1.2. Этнополитический конфликт как социальный процесс

Этнополитические конфликты как формы социального взаимодействия весьма часто приводят к дезинтеграции полиэтнических систем, сопровождаясь этническим насилием, многочисленными жертвами и разрушениями. Но даже если дело не доходит до открытого насилия и вооруженной борьбы, проявления такого рода конфликтов все равно деструктивны. Так, вопиющими проявлениями социальной несправедливости являются дискриминация и оскорбления по этническому признаку, насильственная ассимиляция и этническая ксенофобия. Такие негативные явления ведут к расколу гражданского общества и дегуманизации социальных отношений. Поэтому в интересах гражданского мира и социальной стабильности демократическое и социально-ориентированное государство должно заложить в основы рационального управления социальными процессами в том числе и научно обоснованные принципы деятельности по предупреждению этнополитических конфликтов. Между тем превентивная деятельность невозможна без учета типологических характеристик конфликта. В

данном случае нас будут интересовать динамика и социальный контекст (среда) этнополитического конфликта.

Известный британский социолог Э. Гидденс считал, что необходимо различать противоречие и конфликт. Противоречия – это результат, следствие социального неравенства и социальной несправедливости, однако они не всегда приводят к конфликту. Для трансформации социальных противоречий в социальный конфликт необходимо осознание несовместимости интересов различных социальных общностей, которое предполагает соответствующую мотивацию социального поведения. Конфликт же, по мнению Э.Гидденса, представляет собой «реальную борьбу между действующими людьми или группами – независимо от того, каковы истоки этой борьбы, ее способы и средства, мобилизуемые каждой из сторон» [155, С. 198-199]. Данное определение конфликта методологически значимо с точки зрения выявления динамики этнополитического конфликта как социального процесса. Из логики такого понимания конфликта следует, что последний включает в себя как минимум два этапа: латентный, на котором происходит процесс осознания противоречивости интересов, формирование собственной идентичности и выработки мотивации поведения; открытый (манифестный), характеризующийся реальной борьбой между индивидами или группами.

Американский социолог К. Боулдинг различал два аспекта социального конфликта: статический и динамический. Под статическим аспектом понимаются структурные элементы конфликта: социальные акторы (противоположные стороны) и взаимодействие между ними. Динамика конфликта – это процесс мотивации конфликтного поведения противоположными личными и групповыми интересами. На основе методов социального бихевиоризма К. Боулдинг считал, что конфликт – это процесс, который образуется из совокупности реакций конфликтующих сторон на внешние стимулы. С этой точки зрения, целесообразно рассматривать конфликт как социальный процесс, имеющий реактивную природу [37, С. 368]. В ракурсе приведенного подхода можно считать, что конфликт начинается тогда, когда есть агрессивное действие и соответствующее ему

противодействие. С этой точки зрения следует выделить следующие стадии этнополитического конфликта как социального процесса.

1) Предконфликтная ситуация, возникающая в условиях, когда существующие межэтнические противоречия резко обостряются под воздействием стимулирующих социальных условий и грозят перейти в открытые, насильственные формы конфликтного взаимодействия.

2) Стадия открытого конфликта характеризуется агрессивными, враждебными действиями конфликтующих сторон с явной целью нанести максимальный ущерб друг другу, отстаивая свои интересы ценой ущемления и подавления интересов противника.

3) Стадия разрешения конфликта состоит в прекращении конфликтного взаимодействия между враждующими сторонами. Однако, это прекращение не всегда означает разрешение конфликта. Последний может перейти в скрытую форму без внешних проявлений. Истинное разрешение конфликта возможно только при условии устранения его причин, отсутствии антагонистической противоречивости целей и интересов сторон.

Известный российский этноконфликтолог А.Р. Аклаев выделяет такие стадии этнополитического конфликта, как формирование конфликтной ситуации, конфликтное взаимодействие и завершение конфликта.

Первая стадия имеет латентный характер. Латентность включает в себя социальное напряжение, различия и разницу во мнениях, которые, однако, незаметны или неразвиты, поскольку скрыты за видимой стабильностью и порядком. Несовместимость целей и интересов уже объективно существуют, но не осознаются противоположными сторонами. Однако, постепенно начинает созревать и в последующем развиваться процесс осознания конфликтной ситуации. Последний включает в себя соответствующие восприятия, переживания, оценки, установки и ориентации, которые способствуют осознанию конфликтующими сторонами имеющихся между ними расхождений в целях и интересах. Целесообразно выделить следующие компоненты формирования конфликтной ситуации: 1) осознание общностью или группой себя, как

коллективного субъекта (актора) социального действия, обладающего общей идентичностью; 2) коллективно разделяемое чувство группового недовольства на основе восприятия депривации, неравноправия группового статуса, неблагоприятных изменений в групповых достижениях и ожиданиях; 3) формирование противоположных социальных целей и ценностей (идеологии), обосновывающих необходимость и возможность достижения этих целей; 4) развития чувства групповой солидарности, которое служит одной из основ процессов мобилизации группы. Показателем сформировавшейся конфликтной ситуации является инцидент, который характеризует первое открытое столкновение сторон, при котором одна из них нападает на другую, вызывая ее ответные действия. Таким образом совершается переход от противостояния к противодействию. Предубежденность и неприязнь, несовместимость трансформируются в откровенную враждебность и агрессию [7, С. 274-276].

Стадия конфликтного взаимодействия по своему содержанию заключается в агрессивном противоборстве сторон, в процессе которого они мобилизуют силы и средства, ресурсы и контрресурсы. Данная стадия начинается с проявления инцидента с разделением на две стадии: эскалации и деэскалации.

Эскалация предполагает развитие конфликта по восходящей траектории с точки зрения роста масштабов и интенсивности конфликтного поведения. Эскалация происходит тогда, когда конфликтующие стороны убеждены, что цена выигрыша в случае победы будет большей, чем издержки, на которые придется пойти для реализации своих притязаний [7, С. 277]. Зарубежные социологи Р.С. Кантер и Л. Кризберг выделяли социально-психологические механизмы эскалации. К ним можно отнести изменения в коллективных восприятиях, оценках, чувствах, представлениях, убеждениях, происходящие с конфликтующими сторонами. Они способствуют увеличению масштаба и интенсивности конфликтного поведения. Показателями этих процессов являются: 1) возрастание степени групповой сплоченности; 2) отказ от уступок сопернику; 3) нарастание тревоги и беспокойства; 4) в отношениях сторон происходит расширение предмета спора и добавление новых спорных вопросов; 5)

поляризация отношений сторон сопровождающаяся усилением коммуникационных барьеров и уменьшением возможностей обсуждения спорных вопросов. Кроме социально-психологических можно выделить и организационные механизмы эскалации этнополитических конфликтов. К ним относятся: 1) дифференциация лидерства, сопровождающаяся доминированием радикальных элементов и оттеснением умеренных; 2) возрастание уровня этнополитической мобилизации и милитаризации этнополитического конфликта среди рядовых участников; 3) радикализация целей и ценностей этнополитических организаций; 4) деинституционализация отношений между сторонами конфликта, когда существующие социальные институты не способны регулировать конфликтное взаимодействие [7, С. 277-279].

Деэскалация конфликтного взаимодействия подразумевает собой развитие этнополитического конфликта по нисходящей линии – сокращение масштабов и интенсивности конфликтного поведения. Американский социолог Л. Кризберг полагает, что деэскалация происходит тогда, когда конфликтующие стороны убеждены, что издержки, на которые приходится идти ради увеличения масштаба и интенсивности конфликта, превышают цену выигрыша в случае победы [7, С. 285]. Также, как и в случае с эскалацией, механизмы деэскалации можно условно разделить на социально-психологические и организационные.

К социально-психологическим механизмам деэскалации относятся следующие изменения: 1) раскол этнических элит на радикальные и умеренные группы, утрата интереса рядовых членов этнополитических движений к целям борьбы против этнического противника; 2) восприятие утраты материальных и человеческих ресурсов в процессе этнополитической борьбы как чрезмерных; 3) осознание того, что трата ресурсов в процессе конфликта вступает в противоречие с реализацией других социально значимых интересов своей этнической общности; 4) возобладание разума над эмоциями – начавшаяся переоценка причин конфликта с точки зрения здравого смысла; 5) поляризация во взаимодействии конфликтующих сторон ослабевает – постепенно восстанавливается коммуникация и другие взаимосвязи между ними; 6) предмет

конфликта в значительной степени сужается, приобретает конкретные очертания и становится более доступным урегулированию.

К организационным механизмам деэскалации относятся следующие изменения в формах и уровне организации социальных акторов этнополитического конфликта: 1) возрастание авторитета умеренных лидеров этнополитических движений и общностей; 2) падение авторитета радикальных лидеров и их маргинализация; 3) постепенный процесс этнополитической демобилизации этнических общностей и участников этнополитических движений; 4) начавшиеся изменения в целях и ценностях этнополитических движений – приоритетность восстановления стабильного функционирования этнической общности; 5) взаимодействие между конфликтующими сторонами начинает характеризоваться формированием социальных институтов конфликто разрешения и миростроительства. А. Р. Аклаев на основе работы «Разрешение конфликтов», подготовленной известной конфликтологической организацией «Международная тревога» выделяет несколько фаз деэскалации этнополитического конфликта: 1) фаза затягивания; 2) фаза улучшения (ослабления насильственного противостояния); 3) фаза завершения (предполагающая последующее мирное урегулирование конфликта и его возможное разрешение) [7, С. 286].

Таковы динамические характеристики этнополитического конфликта как социального процесса. Однако социологическое обоснование предупреждения этнополитических конфликтов предполагает кроме того выявление структурных предпосылок конфликтной динамики, то есть социальный контекст этнополитического конфликта. Под социальным контекстом понимается окружающая социальная среда конфликта, которая оказывает существенное влияние на его возникновение и развитие. Выявление социального контекста имеет важное методологическое значение, поскольку его содержание является одновременно совокупностью показателей, которые необходимо учитывать при формулировании целей и задач раннего предупреждения этнополитических конфликтов. К этим показателям целесообразно отнести: 1) степень социально-экономической напряженности в обществе; 2) степень полиэтничности

территории, а также характер ее освоения и использования различными этническими общностями – совместный или разделенный; 3) характер социальной дифференциации и социальных делений на территории проживания этнических общностей; 4) степень социокультурной напряженности; 5) легитимность политической власти и уровень доверия к ней; 6) характер и направленность социальной и этнической политики; 7) влияние внешних акторов. Однако, социальный контекст является только совокупностью предпосылок этнополитического конфликта. Для эскалации конфликта необходимы механизмы, запускающие конфликтные процессы. К ним относятся определенные события, например: стихийные митинги и демонстрации, спонтанные ссоры и драки, массовые беспорядки и восстания, провоцирующие заявления в средствах массовой информации, обнародованные результаты президентских и парламентских выборов и другое.

Своеобразной связкой, «мостом» между образующими социальный контекст структурными предпосылками конфликта и инцидентом, запускающим конфликтную эскалацию, является сформировавшийся потенциал осознания конфликта интересов. С этой точки зрения, глубинной причиной этнополитического конфликта является не этническая специфика, а воспринимаемое как этническое, неравенство в доступе и обладании различными социальными ресурсами общества. Воспринимаемое в качестве этнического неравенство есть ни что иное, как превращенная форма социального недовольства. Социальная несправедливость, вызванная негативными социальными процессами, имеющими структурный характер, приобретает этническую форму, воспринимаясь как этническая несправедливость. Так, например, коррупция является системным явлением нашего общества. «Безусловно, коррупция является одной из угроз национальной безопасности, демократизации общества и она разлагает деловую среду, снижает дееспособность государства, отражается на имидже страны» [122, С. 71].

Однако, в общественном сознании данный феномен весьма часто искаженно рефлексирован, приобретая этническую направленность. Например, весьма

показателен пример Северного Кавказа. «Денежные потоки из России мало влияют на экономическое развитие региона. Огромные суммы оседают в карманах лидеров клановых групп и их окружения, усугубляя резко возросшее социальное расслоение. Дотации из федерального бюджета распределяются непрозрачно и провоцируют борьбу между этнополитическими группировками» [76, С.6]. Простые люди, живущие в других регионах России, неискушенные пониманием системности коррупции как социального явления, естественно, могут истолковать вышеприведенные факты в терминах этнической специфики коррупции, которая якобы свойственна именно южным народам Кавказа и Средней Азии. Действительно, представители этнических элит Северного Кавказа, разращенные властью и богатством, провоцируют этническую ксенофобию и национализм. Посылая своих детей учиться в вузы крупных российских городов, покупая жилье и другую недвижимость, обзаводясь бизнесом, они умножают коррупцию, подкупая чиновников и других представителей власти в исконно русских регионах России. Однако простой народ Северного Кавказа устал от насилия и живет в условиях ужасающей безработицы. В этом одна из главных причин роста числа боевиков, которые рекрутируются экстремистами из числа северокавказской молодежи, лишенной социальных перспектив, живущей в условиях тотальной коррупции и недоверия к власти. Между тем, националисты и экстремисты, используя справедливое социальное недовольство, перенаправляют его в этническое русло, всячески муслируя лозунг «Хватит кормить Кавказ».

Однако, как показали события, в городе Пугачеве Саратовской области, случившиеся в июле 2013 года (убийство 20-летнего бывшего десантника Руслана Мажарова 16-летним подростком из Чечни), стихийные выступления и митинги по поводу межэтнических инцидентов могут и не вылиться в межэтнические столкновения. Как свидетельствуют заявления участников стихийных митингов, жители не сводят конфликт к национальному вопросу: «У нас в регионе проживают русские, татары, башкиры, армяне, цыгане... Но почему-то одни соблюдают законы, а другие ведут себя вызывающе. И местная власть такое

поведение поощряет, видимо кормится от них» [126, С. 9]. Анализ конфликта в Пугачеве показывает, что стихийные процессы, запущенные инцидентом с этнической окраской могут и не приобрести этнополитический характер по следующим причинам. Во-первых, одна из сторон конфликта – местные жители, осознают себя не этнической, а территориальной полиэтнической общностью; во-вторых, возмущение вызвало не этническая принадлежность совершившего убийство, а вызывающее поведение, несоблюдение законов; в-третьих, в городе (местности, регионе) не оказалось организованной группы или движения, которые сумели бы осуществить этнополитическую мобилизацию стихийных масс.

Тем не менее, невозможно отрицать, что наличие социального контекста в любом случае опасно. Несмотря на то, что он может и не трансформироваться в конфликтное взаимодействие, само по себе его существование постоянно генерирует, воспроизводит конфликтогенную среду. Так, в случае с Пугачевым, мы имеем дело с практически вымершей экономической инфраструктурой. «Работы в городе почти не осталось. Вариантов не много – школы, больница, детсады, полиция и две исправительные колонии. От завода железобетонных изделий остался один лишь цех..., мебельная фабрика закрыта ...С ликвидацией 626-го учебного вертолетного полка без работы остались сотни горожан. Молодые парни, выпускники местного училища, где готовят трактористов, автомехаников, сварщиков, едут на заработки в Москву, Сибирь или на Кубань. Вахта тут стала образом жизни. А в отпуске дома работяга идет спускать деньги в кафе. Даже прогулки по вечерам – риск: в городе почти нет освещения» [127, С. 9].

В ракурсе социологического анализа предупреждения этнополитических конфликтов особое значение имеет рассмотрение зависимости конфликтных действий от процессов социальной дифференциации, ведущих к социальным разделением, на основе которых формируются модели этносоциальной стратификации. В социологии под социальной дифференциацией понимается совокупность социально значимых различий между людьми. При этом в той степени, в какой индивиды обладают одинаковыми или сходными социальными

признаками, они образуют общности, в том числе и этнические. Социально значимые различия могут возникать, следовательно, на этнической основе. Этнические различия проявляются в идентичности, языке, обычаях, традициях, историческом происхождении, свойствах социальной психологии. В результате возникает этническая дифференциация, которая олицетворяет собой существование комплекса этнических различий между социальными общностями.

Реально существующее социальное расслоение характеризует неравенство социального положения этнических общностей и социальных сегментов внутри каждой из них. Социально-этническое неравенство является важнейшей предпосылкой этнополитических конфликтов. Это связано с тем, что оно порождает существенные различия в обладании этническими общностями социальными ресурсами, которые могут быть использованы для реализации и защиты этнических интересов. Естественным следствием социально-этнической дифференциации является этносоциальная стратификация. Если дифференциация является простой фиксацией существующих различий между социальными общностями, то стратификация предполагает разные возможности, права и обязанности индивидов, обусловленные их принадлежностью к определенным социальным слоям. Таким образом, система этносоциальной стратификации включает в себя все этнические общности, обладающие различными статусами и ресурсами.

Известный российский этноконфликтолог А.Р. Аклаев вводит в отечественную этносоциологию понятие кливиджа (cleavage). Под кливиджем подразумеваются социальные разделения. Возникающая на личностном уровне социальная дифференциация означает, что индивид может одновременно принадлежать к различным группам, возникшим на основе различных кливиджей. Например, человек может являться одновременно членом определенной этнической группы, представителем конкретной профессиональной группы, отцом семьи, супругом, жителем города или сельской местности, членом какой либо партии или общественного движения. Кливиджи – социальные разделения, бывают перекрестными (cross – cutting cleavages), когда отсутствует какая либо

жесткая связь между приписанной (возникающей от рождения) принадлежностью индивида, например, к этнической группе и его приобретенными характеристиками (принадлежностью к другим группам, например, к социальному классу, профессиональной группе, политической партии и т.д.). С другой стороны, различают так называемые налагающиеся, или взаимоусиливающие, разделения (*overlapping, reinforcing cleavages*), когда приписанная характеристика индивида (этническая идентичность) так или иначе ограничивает возможности его членства в других социальных группах. Как показывают социологические исследования, в тех случаях, когда социальные кливиджи налагаются на этнические, они усиливают этническую дифференциацию и способствуют росту конфликтного потенциала. Это часто происходит, когда этнические сегменты в обществе расположены в иерархическом порядке. [7, С. 286].

Итак, этносоциальная стратификация влечет за собой неравенство возможностей, прав и обязанностей людей, обусловленное их принадлежностью к разным этническим общностям (их этническими различиями). Этносоциальная стратификация – это система отношений социального равенства и неравенства, комплекс прав и обязанностей этнических общностей, обусловленный занимаемыми ими общественными статусами. Этнополитический конфликт – это социальный процесс, в ходе которого, различные группы стремятся, используя институты политики и методы политической деятельности, изменить характер и структуру этносоциальной стратификации. Конкуренция соперничающих групп, использующих недовольство этнических общностей неравенством социального положения в такой системе, и составляет глубинную социальную природу этнополитической конфликтности.

Данный вывод имеет большое методологическое и управленческое значение для предупреждения этнополитических конфликтов в современной России. Выше уже говорилось о том, что причиной такого рода конфликтов является не этнические особенности как таковые, а воспринимаемое как этническое неравенство по доступу и обладанию различными социальными ресурсами.

Благодаря средствам массовой информации этнические общности достаточно информированы о различных аспектах социальных противоречий в сфере интересов различных групп населения. Однако в условиях социального кризиса, значительной социальной поляризации, утраты доверия к властным институтам нередко возникает соблазн истолковать социальные противоречия в терминах этнической идентичности и воспринять их как этническое неравенство в распределении ресурсов и статусе. Именно этим, на наш взгляд можно объяснить возникновение в полиэтничной и поликонфессиональной России феномена русского национализма. Русские, являясь этническим большинством, представляют из себя с этой точки зрения высокостатусную этническую группу. Такой статус характеризуется доминированием русского языка и русскоязычной культуры, количественным доминированием русских в органах власти и управления большинства российских регионов, социально-психологической атмосферой преобладания русских традиций и образцов поведения. В историческом плане именно русские являются социокультурным ядром и государствообразующим этносом, что дает основание полагать русских цивилизационным стержнем России.

Однако в условиях социального кризиса и отсутствия эффективной миграционной и национально-этнической политики появляется опасность того, что высокостатусная этническая группа, которой являются русские, может ощущать угрозу своему доминированию со стороны развивающихся этнических меньшинств. При этом представители этнического большинства могут ссылаться на то, что их доминантный статус является результатом их количественного преобладания и коренного положения на территории России. Ссылка может идти также на доблести, заслуги и достижения, исторически сформировавшиеся на протяжении длительного коренного проживания, которые надо защищать от нападков меньшинств – паразитов. Такого типа реакция со стороны этнического большинства особенно вероятна в ситуациях, характеризующихся выделением огромных инвестиций в районы компактного проживания этнических меньшинств при высокой представленности русского населения в социально-

экономически проблемных регионах. Кроме того этническую мобилизацию подстегивают частые проявления коррумпированности органов исполнительной власти на местах и правоохранительных органов, когда они из корыстной заинтересованности сами нарушают закон в интересах представителей меньшинств.

Вместе с тем нельзя и не учитывать реакцию этнических меньшинств. Дело в том, что существуют два фактора возможного этнического недовольства с их стороны. Во-первых, этнические меньшинства оценивают свой современный статус таким образом, что референтной группой для них становится высокостатусная доминирующая группа. Меньшинства дают оценку своему современному социальному положению, сравнивая его с современным положением этнического большинства, негативно реагируя на сохраняющийся разрыв. Во-вторых, в условиях острой конкуренции за ограниченные престижные социальные ниши этнические меньшинства нередко осознают свою высокую представленность в низкостатусных социальных стратах, приходя к выводу, что система этносоциальной стратификации сложилась не в их пользу. С этой точки зрения неизвестно как поведут себя в дальнейшем мигранты из бывших среднеазиатских республик СССР и их потомки, которые проживают в становящихся многочисленными диаспорах и испытывают ущемленность и униженность бесправных гастарбайтеров.

Итак, были проанализированы методологические подходы к определению динамики и выявлению социального контекста этнополитических конфликтов. Между тем, с точки зрения методологии предупреждения этнополитического конфликта как социального процесса необходим синтез динамических характеристик и структурных предпосылок конфликта. В этой связи имеют большое значение выводы группы российских исследователей под руководством В.А. Авксентьева, сделанные ею в результате исследования межэтнического конфликта, протекавшего в г. Ставрополе в мае-июне 2007 года. В конфликте участвовали большие группы студенческой молодежи, конфликтное взаимодействие проявилось в массовых драках, митингах и демонстрациях.

Характерными феноменами, характеризовавшими динамику нарастания конфликта явились: 1) быстрая этническая мобилизация, последовавшая в результате нескольких столкновений между представителями северокавказской молодежи (чеченцами, даргинцами, ингушами, с одной стороны, и русскими – с другой); 2) быстрое распространение слухов ввиду скудности информации со стороны официальных институтов; 3) информационный коллапс, приведший к обозначению общественным мнением инцидентов как межэтническое противостояние русских и чеченцев; 4) проведение импровизированных протестных акций против миграционной и национальной политики краевых властей; 5) начавшаяся паника среди населения города, свидетельствующая о том, что оно с готовностью восприняло версию о межнациональном характере различных событий, которые начали агрегироваться в единый конфликтный процесс [5, С. 148-152].

Вышеприведенную динамику ставропольского конфликта невозможно адекватно оценить вне того социального контекста, который сложился в данном регионе на момент начала конфликтного взаимодействия. Социально-этническая напряженность сформировалась под влиянием характера миграционных процессов в Ставропольском крае. Если в 1990-е гг. Ставрополье было одной из основных территорий-реципиентов мигрантов в России, но к середине первого десятилетия миграционная ситуация значительно изменилась. Так, в 2006 г. в край прибыло 45 095 человек, выбыло – 44 515 %) [119]. Миграционный прирост населения края не компенсирует естественной убыли и его численность сокращается. Доля русского населения края, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., составляет 81,6%, что незначительно отличается от данных переписи 1989 г. (83,79%) [119]. Из числа прибывших на территорию края на жительство из других регионов России за первое полугодие 2007 г. 67% составляют русские, миграционный прирост за этот период составил, с учетом оценки объемов неконтролируемой миграции, около 2 тыс. человек %) [119]. Таким образом, вышеприведенные статистические данные свидетельствуют, что принципиальных проблем в количественном аспекте миграция не порождает.

Вместе с тем, ряд российских экспертов (Аствацатурова М.А., Белозеров В.С., Дмитриев А.В., Рязанцев С.В., Савва М.В., Турун П.П.) полагает тем не менее, что в качественном плане миграция является одним из конфликтогенных факторов. Роль играет не само по себе количество мигрантов в регионе, а их расселение по его территории, сосредоточение мигрантов одной этнической принадлежности на определенной части края, а также неоднородное распределение по отдельным слоям населения, неадаптированность значительной доли ране прибывших мигрантов к социокультурной среде Ставрополья. При этом важно учесть, что на территории края в основном находятся внутренние мигранты, имеющие, как граждане России, право свободного выбора места жительства на всей территории страны. Наиболее насыщенными мигрантами оказались восточные районы края, относящиеся - с точки зрения этноконфликтности – к самой проблемной зоне Ставрополья [119]. Что касается отдельных слоев населения, заметная доля приезжих (особенно в Ставрополе) представлена студентами вузов. Именно в молодежной среде, которая, как известно, является наиболее радикально настроенной демографической группой, продуцируется межэтническая напряженность [5, С. 160].

Синтез динамических характеристик и структурных предпосылок конфликта позволяет вычленивать цепь конфликтных событий в мае-июне 2007 года в Ставрополе и определить ее как блоковый конфликт. Под блоковым конфликтом понимается не межблоковый конфликт, выделяемый по субъектам носителям (различные блоки, союзы и организации), а по механизму формирования и расширения [5, С. 147]. Группа исследователей под руководством В.А. Авксентьева понимает такого рода конфликт, как формирование единого конфликтного процесса на основе слияния разнородных локальных предконфликтных, конфликтных и постконфликтных событий на основе общей доминанты, не обязательно представленной в качестве основной в каждом конфликтном событии в отдельности. Блоковый конфликт является разновидностью сложносоставного конфликта. Ставропольские исследователи делают акцент на наличие доминантной линии социального напряжения или

социального раскола, на основе которой соединяются (блокируются) моноконфликты. Таковой доминантой в ставропольском блоковом конфликте явилась возраставшая межэтническая напряженность [5, С. 161].

Как считают ставропольские эксперты, в ситуации блокового конфликта соединение разнородных конфликтных событий в один процесс позволяет найти обоснование как этнической, так и неэтнической природы отдельных конфликтных эпизодов. Однако важно выделение той основы, на которой происходит соединение всех этих эпизодов в один процесс, что является ключевым для антиконфликтного менеджмента. В результате можно прийти к выводу об определяющей роли этнического фактора в ставропольских событиях [5, С. 162]. В этой связи анализ ставропольского этноконфликтного феномена имеет важное методологическое значение при определении стратегии предупреждения этнополитических конфликтов, состоящей прежде всего в выявлении глубинной причины, основы конфликтного взаимодействия.

Проведенный анализ динамики и социального контекста этнополитического конфликта важен для определения основного содержания конфликтного предупреждения как социального процесса. Предупреждение этнополитического конфликта – это процесс социальной деятельности, направленный на предотвращение (минимизацию) проявлений агрессивного противоборства и конкуренции с использованием этнической идентичности и спекуляции на этнических различиях и противоречиях. Превентивная деятельность (процесс профилактики) этнополитических конфликтов зависит от их характера и динамики. Именно мониторинг последних определяет превентивное воздействие на элементы структуры этнополитического конфликта: социальных акторов, мотивы их социального поведения, используемые социальные силы и средства и другое. Известный российский этноконфликтолог А.Р. Аклаев полагает, что сам термин «предупреждение» применяется не к конфликту вообще, а лишь к деструктивному конфликту. Его аргументация состоит в том, что конфликт как таковой невозможно предотвратить, поскольку он неразрывно связан с социальным развитием, которое невозможно отменить. Возможно лишь

предупредить деструктивное проявление конфликта, которые в основном связаны с насилием, угрожающим жизни, здоровью, имуществу граждан, общественным интересам и ценностям [7, С. 406].

В противоположность данной позиции следует отметить, что любые проявления этнополитического конфликта следует предотвращать, даже если они не носят насильственного характера. Дело в том, что даже на ранних стадиях такие конфликты в любом случае деструктивны, поскольку базируются на предрасположенности к этническому национализму, легко переходящего в этнический экстремизм. Уже на ранних стадиях этнополитические конфликты носят деструктивный характер, так как ведут к дегуманизации межличностных и общественных отношений.

С социологической точки зрения предупреждение означает превентивное воздействие на структурные условия, лежащие в основе конфликта. В этом смысле социологический подход подразумевает так называемое глубокое предупреждение конфликта, которое основывается на выявлении глубинных причин конфликтного взаимодействия, состоящих из определенных социальных противоречий. С таким подходом согласуется и позиция А.С. Кима, который полагает, что в основном концепции предотвращения конфликтов разрабатывают способы их «неглубокого предупреждения», которое видится как устранение осязаемых условий и факторов, непосредственно ведущих к возникновению и развитию конфликтов [68, С. 17]. На наш взгляд, концепции «неглубокого предупреждения» или «легкого предупреждения» конфликтов в значительной степени сформировались в рамках политологического, а не социологического подхода к анализу этнополитического конфликта. Связано это с тем, что этнополитология исследуют преимущественно роль субъективного фактора: политических элит, партий, движений, лидеров, которые непосредственно возбуждают и катализируют процессы конфликтного взаимодействия. Как пишет А.Р. Аклаев цель легкого предупреждения – не допустить, что бы тот или иной конфликт не перешел грань насилия. Легкое предупреждение обычно

предполагает вмешательство в конфликт правительства или международного сообщества до того как он станет насильственным [7, С. 407].

«Глубокое» же предупреждение конфликта предполагает «регулярную профилактику, разработку форм и способов поддержания позитивных (консенсусных) бесконфликтных межэтнических отношений» [68, С. 17]. Естественно, что такая превентивная деятельность должна опираться на долгосрочную работу, направленную на корневые источники конфликта. К ним, например, можно отнести социальное неравенство, отсутствие или не развитость гражданского общества. Долгосрочные превентивные проекты могут включать в себя пакеты социально-экономических, социально-культурных и политико-идеологических мер, направленных на соответствующее развитие конфликтогенных регионов.

В аспекте выявления особенностей предупреждения этнополитического конфликта как социального процесса социологический подход признает важность деятельности по воздействию на те институциональные формы, от которых зависит степень этнополитической конфликтогенности. Речь идет о социальных институтах гражданского общества, призванных поддерживать и развивать этнокультурную идентичность, осуществлять национально-культурное самоопределение как больших, так и малочисленных этнических общностей. Общественные объединения, апеллирующие к этнической самоидентификации (например, национально-культурные автономии) так же являются структурными (системными) факторами, которые могут стать источниками как конфликтного, так и консенсусного взаимодействия. Однако наиболее значимыми с точки зрения проблематики диссертационного исследования являются институты высшего образования, призванные обеспечивать образовательно-воспитательное воздействие на молодежную среду с целью предупреждения участия молодежи в этнополитических конфликтах.

ГЛАВА II. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

2.1 Этнополитическая конфликтогенность молодежной среды

Непременным условием предупреждения этнополитических конфликтов должен быть полный учет состояния массового сознания, сложившихся и доминирующих в нем оценок и представлений, связанных с проблемами межнациональных отношений, реальных ожиданий масс, их ориентации на традиции и инновации [125, С.140]. С этой точки зрения в современном российском обществе весьма актуальна разработка проблем профилактики национального и религиозного экстремизма в молодежной среде. В условиях утраты советской культуры межэтнического общения выросло целое поколение, лишенное серьезного внимания государства к вопросам патриотического и духовно-нравственного воспитания, формирования этнокультурной толерантности. События на Манежной площади в Москве и некоторых других российских городах в декабре 2010 г. показывают, что в течение постсоветского периода сформировался комплекс проблем, составляющих основу для острейших этнополитических конфликтов. По данным всероссийских опросов общественного мнения, 47% граждан (ВЦИОМ) полагают, что за 2010 год межнациональные отношения в стране только ухудшились. 32% (ФОМ) считают, что многонациональность России скорее приносит больше вреда, чем пользы, а 24% испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. 56% (Левада – центр) считают, что массовые кровопролитные столкновения на национальной почве возможны [72, С. 6]. Этнополитическая конфликтогенность базируется на определенных социальных предпосылках. Среди них – формирование этнической ксенофобии, национального и

религиозного экстремизма в молодежной среде. Каким же образом эта конфликтогенность проявляется?

Молодежная среда есть разновидность социальной среды. В социологическом сообществе под социальной средой в самом общем виде понимается совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Социальную среду условно разделяют на макросреду и микросреду. Социальная макросреда охватывает экономику, общественные институты, общественное сознание и культуру. Социальная микросреда включает непосредственное окружение человека - семью, трудовую, учебную и другие группы. Если рассматривать социальную среду как молодежную среду, то и в ней можно выделить макро- и микроуровни. Так, характеризуя молодежную среду и выделяя такую ее разновидность, как студенческая среда, целесообразно говорить о следующем. Макроуровень студенческой среды – это условия обучения и воспитания в образовательном учреждении, а также совокупность условий, связанных со студенческой социализацией, в которых функционируют эти учреждения (например, межвузовские фестивали, конференции, конкурсы и т.п.). Микроуровень включает в себя непосредственное социальное окружение учащихся образовательных учреждений (сокурсники, преподаватели), а также процессы внеучебной жизнедеятельности (например, проживание в общежитии, занятия в кружках, секциях, участие в общественных объединениях). Следует отметить, что микросреда во многом носит неформальный характер. В частности, это проявляется в межличностном взаимодействии молодежи в сфере повседневного общения и досуга.

В контексте профилактики национального и религиозного экстремизма девиантное поведение молодежи часто является продуктом самовоспитания или следствием негативного влияния именно неформальных компонентов социальной среды. Чаще всего это компании сверстников, круг различных приятелей и знакомых. Контроль со стороны институтов образования и воспитания за такими общностями практически невозможен. При общении в данных кругах происходит

самовоспитание молодых людей, формируется шкала ценностей, противоречащая основам доминантной культуры общества. Нередко самовоспитание в подобных группах приводит к извращенному, агрессивному восприятию окружающего мира. По мнению специалистов Южного научного центра РАН (Ставрополь) под руководством В.А. Авксентьева, именно в молодежной среде, являющейся наиболее радикально настроенной демографической группой, продуцируется межэтническая напряженность [5, С. 160]. Таким образом, межличностное взаимодействие молодых людей внутри асоциальной неформальной общности является одним из самых серьезных факторов формирования конфликтного поведения и включения в экстремистскую деятельность.

Группа российских исследователей феномена экстремизма под руководством Ю.М. Антоняна считают, что проявление экстремальности в молодежной среде следует рассматривать в двух аспектах – как идейную направленность сознания и как установку на конкретную деятельность или образцы деятельности, включая насильственные практики [147, С. 16]. Российские исследователи Ю.А. Зубок и В.И. Чупров определяют экстремальность как сущностную характеристику молодежи, различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Наиболее распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, представляющие собой преобладание или чувственного, или рационального уровня сознания молодежи. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние [64, С. 3]. С точки зрения этнополитической конфликтности экстремальность проявляется как идеологический фанатизм, ориентированный на конфликт, борьбу за определенные ценности, согласие с установками и убеждениями ультраправых партий и радикальных этнонационалистических организаций, готовность участвовать в их деятельности и мероприятиях. Особо следует отметить, что такой фанатизм направлен на демонстрацию чувств ксенофобии и крайнего национализма.

Так, в ходе исследования, проведенного специалистами отдела социологии и молодежи ИСПИ РАН в 12 регионах РФ в 2002 (N=2012 человек; возраст – 15-29 лет) и в 2006 годах (N=2000 человек; возраст – 14-29 лет), были получены следующие данные. Неприязненное отношение к мигрантам с юга (кавказцы, выходцы из Средней Азии) и юго-востока (китайцы, корейцы, вьетнамцы) продемонстрировали 41,4% опрошенной студенческой молодежи (в т.ч. 10,5% выразили неприязнь в крайней форме). Одобряют деятельность различных националистических объединений – 21% (у 7,5% отмечен высокий уровень экстремальных настроений). 40,2% считают, что негативные качества человека связаны с его национальной принадлежностью (в начале 90-х годов прошлого века так высказывалась треть опрошенных, в 2002 г. – около 35%) [147, С. 14]. Примечательно то, что изменяется и социальный состав носителей национального экстремизма. По сравнению с 2002 в 2006 году возросла доля младших юношеских групп (18-21 год) – 29,6%, учащихся средних школ (32,9%) и ПТУ (35,6%), а также проживающих в сельской местности (21,5%) и в малых городах (12,1%) [147, С.14-15].

Вместе с тем исследователи выявляют противоречия между экстремальными настроениями и социально-протестными проявлениями. Внешние социально-политические проявления высокого уровня экстремальных настроений обычно носят спонтанный характер. При этом на групповом уровне отмечается низкий уровень связи с практической социально-протестной деятельностью либо полное отсутствие такой связи [147, С. 17]. Таким образом, выясняется, что для включенности в экстремистскую деятельность недостаточно обладать экстремальными настроениями. Данное утверждение согласуется и с результатами вышеуказанного исследования, проводившегося учеными отдела социологии и молодежи ИСПИ РАН. По их данным, в начале XXI века большинство представителей российской молодежи не входило ни в какие общественно-политические объединения. Среди субкультурных объединений, имеющих некоторое подобие идеологической платформы, по числу участников уверенно лидируют объединения досуговой или консьюмеристской направленности (рокеры, рэперы, спортивные фанаты). По

данным исследования, 45% молодых респондентов ответили, что им безразличны любые молодежные течения, а 7,5% заявили, что вообще ничего о них не знают [147, С. 34].

В то же время специалисты Южного научного центра РАН (Ставрополь) под руководством В.А. Авксентьева полагают, что «политическая, в том числе протестная, активность молодых людей заметно выросла по сравнению с последним десятилетием прошлого столетия. От социальной апатии и отрицания всего в девяностые годы XX в. молодежь возвращается ныне в политическую сферу общества, все активнее участвуя в деятельности различных партий, религиозных организаций и иных общественных объединений» [5, С. 160].

Что касается этнополитической конфликтогенности, то интолерантность к людям другой национальности, в частности к мигрантам, выступает мотивационным основанием при совершении социально-протестных акций спонтанного характера, то есть под влиянием стечения обстоятельств. Например, в погромах в Кондопоге (Карелия, 2006 г.) принимали участие несколько сотен мужчин, в основном в возрасте 18-22 лет [147, С. 21]. Такая же ситуация наблюдалась и на Манежной площади в декабре 2010 г. Таким образом, молодежь может включиться в экстремистскую деятельность больше на уровне всплеска эмоций нежели в рамках организованных протестных движений. Такая особенность является общемировой тенденцией, о чем свидетельствуют массовые молодежные выступления в 2005 – 2006 гг. в парижских предместьях, в арабских революциях 2010 – 2013 гг., события в Турции летом 2013 года.

Вместе с тем, существование экстремальных настроений и проявление их в спонтанной форме являются предпосылками включения в организованную экстремистскую деятельность. Исследователи-криминологи, в частности, российский специалист С.С. Овчинский, определяют хулиганство как стартовую площадку для последующей преступной деятельности. Так, среди преступлений, совершавшихся в 2000 – 2003 гг. российскими футбольными фанатами, хулиганство до недавнего времени занимало ведущее место (53% всех зарегистрированных преступлений членов данных групп) [90, С. 49]. Массовые

беспорядки при просмотре футбольного матча на Манежной площади 9 июня 2002 г. выразились в нападении на сотрудников милиции, избииении граждан, поджогах автомашин, погромах зданий. Были задержаны 102 участника массовых беспорядков. Среди них выявлены участники различных объединений и организаций экстремистской ориентации [90, С. 27].

Таким образом, спонтанные проявления экстремальности часто переходят в: 1) преступное насилие против представителей власти; 2) совместные действия с участниками уже сложившихся экстремистских формирований. Особую опасность представляет то, что стихийная экстремальность молодежи используется экстремистскими организациями, мобилизуется для целенаправленных конфликтных акций. Так, группировки скинхедов «легко объединяются с футбольными фанатами, всевозможными территориальными группами хулиганов (гопами) и т.п.» [90, С. 34]. Более того, переходу хулиганских действий в экстремистские способствует то обстоятельство, что в их основе лежит специфический субкультурный конфликт. Он проявляется в том, что появление чуждых определенной субкультуре актуальных (как правило, эмоционально окрашенных) смыслов воспринимается носителями данной субкультуры как существенный раздражитель и даже посягательство на собственную свободу, как опасность, грозящая собственной личности [90, С. 18].

Применительно к этнической ксенофобии, национальному и религиозному экстремизму следует отметить, что происходит социально-психологическая реакция на индивидов, значительно отличающихся от членов данной группы по фенотипическим признакам и поведенческим проявлениям. Особенно это характерно в случаях, когда инокультурная группа использует атрибуты или символику своей идентичности, даже не проявляя агрессии. «Чужаки» сразу же определяются в групповом сознании как конкуренты или враги. Именно поэтому существуют серьезные основания полагать, что усиливающееся давление этнической миграции из бывших среднеазиатских республик СССР, а также внутренняя миграция из Северного Кавказа являются факторами радикализации молодежи. С этой точки зрения можно согласиться с тем, что «молодежь

возвращается ныне в политическую сферу общества, все активнее участвуя в деятельности различных партий, религиозных организаций и иных общественных объединений» [5, С. 160].

Отсутствие системной и регулярной воспитательной работы с молодежью, которая не имеет того опыта интернациональной деятельности и межэтнического общежития, которые были в СССР, наложилось на социально-экономические кризисные явления, огромное социальное расслоение и общее снижение духовности и образованности. Образовавшийся в результате мультипликативный эффект послужил главным фактором политизации этнической ксенофобии, ее переходу в этнический и религиозный экстремизм. Так, по данным Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс», число скинхедов в 2005 году достигло 50 тыс. человек примерно в 85 городах [90, С. 34]. По данным МВД РФ по состоянию на 2007 год на территории нашей страны действовало до 80 международных экстремистских организаций, получавших финансовую и идеологическую подпитку из-за рубежа. [45, С. 228]. В относительно благополучном, с точки зрения этнической конфликтности, Хабаровском крае по состоянию на 2013 год до 80% от общего числа выявленных участников экстремистских объединений составляют учащиеся средних специальных и высших учебных заведений [115, С. 4].

Исследователи также отмечают сочетание процессов организации (региональный уровень) и самоорганизации (межрегиональный и международный уровень) различных радикальных объединений [147, С. 55]. Во многом этому способствуют каналы массовой коммуникации.

Во-первых, информационным механизмом политизации этнической ксенофобии, ее перехода в этнический и религиозный экстремизм в значительной мере является пресса экстремистского и профашистского толка. Так, у скинхедов существует своя, так называемая, скин-пресса: журналы «Под ноль», «Белое сопротивление», «Отвертка», «Стоп», «Я – белый», «Streetfighter». Наполовину скинхедским является ультраправый контркультурный журнал «Сполохи». Кроме того, существуют

рассчитанные на скинов ультраправые сайты в Интернете, включая «Русское зеркало» американского скин-сайта «Stormfront» [147, С. 56].

Во-вторых, значительную роль в формировании предрасположенности к восприятию идей национального и религиозного экстремизма играют социальные группы сетевых сообществ. Они выходят за пределы пространственных, временных, организационных и технологических ограничений, так как глобальные компьютерные сети позволяют участникам сообществ осуществлять процессы коммуникации как синхронно, так и асинхронно, а также независимо от географических факторов. Трансцендентность таких групп приводит к внутригрупповой информационной стратификации. Последнее обеспечивает возможность организовывать функционирование сообществ, координировать действия пользователей.

Информационная стратификация является онлайн-овым (виртуальным) аналогом социально-властной стратификации в офлайне (реале). Кроме того, обеспечивается высокая степень анонимности, благодаря которой экстремистское поведение в киберпространстве в значительной мере отличается от поведения акторов в офлайновом (реальном) социуме. Социальные группы сетевых сообществ также характеризуются отсутствием формальных ограничений по числу участников. Сетевые компьютерные технологии потенциально позволяют участвовать в работе неограниченному числу пользователей, находящихся в разных географических точках [147, С. 103].

Организационной формой виртуального сетевого сообщества является цельная система взаимозависимых структурных, культурных, стратификационных, коммуникационных, временных и программно-технологических компонентов, которая придает интеракциям внутри сообщества определенный характер, форму и направленность. Информационные сообщества, располагающие разветвленной структурой, нередко используют одновременно несколько организационных форм, среди которых могут быть электронные конференции, системы мгновенного обмена сообщениями, электронные библиотеки, электронные магазины и т.д. Именно поэтому организационные формы функционирования сетевых сообществ бывают

как специализированными (чаты, конференции и т.д.), так и широкого профиля (сайты, порталы и т.д.) [147, С. 103].

Особая опасность использования такого рода ресурсов заключается в том, что в киберпространстве при рекрутировании в экстремистские организации используются те же профессиональные приемы, что и при наборе в легальные структуры. В 2007 году в ходе мониторинга Интернета МВД России выявило 148 ресурсов, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности. На этих ресурсах работают квалифицированные психологи, способные в кратчайшие сроки составить психологический портрет человека, вступившего в общение на форуме, подобрать к нему соответствующий подход, определить возможные векторы участия данного человека в рамках экстремистской деятельности. Молодые люди, иногда даже не замечая этого, оказываются вовлеченными в противоправную деятельность, пополняя ряды активистов организаций экстремистского толка. С целью включения молодежи в ряды экстремистских организаций используются все инструменты манипулятивных технологий, включая и такие, посредством которых достигается неосознанность действий большинства акторов, их непонимание собственного участия в экстремистской деятельности.

С точки зрения степени осознанности своей деятельности и статусу в сообществах, российский исследователь А. Сысоев предлагает классифицировать всех участников экстремистских организаций на следующие типы:

1. Идеальный тип, представленный лицами мужского пола в возрасте 35 – 40 лет, имеющими высшее или незаконченное высшее образование, как правило, несудимыми, неработающими, обладающими высоким уровнем интеллекта, самоконтроля и волевой активности. Они активно пропагандируют радикальную идеологию и экстремистские методы ее реализации. Это тип организатора и агитатора, который не реализовался в легитимных формах общественно-политической деятельности и повышает свой статус в экстремистской деятельности.

2. Так называемый, истинный тип. Это тип активиста, представленный лицами мужского пола в возрасте 24 – 32 года (образование среднее, среднее специальное), неработающими постоянно, нередко ранее судимыми за насильственные и корыстно-насильственные преступления. Для данного типа характерна потребность в совершении асоциальных поступков, как в быту, так и в общественной жизни. С этой целью они активно формируют ситуации совершения экстремистских действий, тем самым они повышают свой социальный статус борцов за идею в составе экстремистского сообщества. Они могут обладать неплохими организаторскими способностями, но подчиняют себе, как правило, более слабых. Среди осужденных экстремистов лица такого типа составляют примерно 27%.

3. Играющий тип, представлен лицами, как правило, мужского пола в возрасте 16 – 25 лет, образование среднее, постоянного источника дохода не имеют, ранее не судимы либо судимы за хулиганство. Отличаются невысоким уровнем интеллекта, отсутствием правосознания, неустойчивостью мотивов и нестабильностью эмоциональных состояний. Преступления ими совершаются не во имя идеи, а в ответ на неправомерное, по их мнению, поведение потерпевших. Осужденные такого типа составляют до 35%.

4. Зависимый тип, лица мужского пола, преимущественно в возрасте от 17 до 25 лет, образование среднее, ранее несудимые. Эти люди характеризуются низкими волевыми качествами, совершают преступления, находясь под влиянием или непосредственным контролем кого-либо из своего ближайшего окружения, действуют обычно в составе группы. У них отмечается действие механизмов психического заражения, они неспособны к самоорганизации. Представители зависимого типа составляют 18% осужденных экстремистов [131, С. 107-109].

Таким образом, более половины участников экстремистских сообществ нельзя отнести к лицам с глубоким осознанием своей деятельности, их невозможно определять как социально и идеологически мотивированных на протестные действия. Обратим внимание также и на то, что в основном это молодежь со средним образованием, здесь практически отсутствуют студенты высших

учебных заведений. Однако, это не означает отсутствия приверженности части студенческой молодежи экстремистским настроениям и идеям. Как уже указывалось выше, радикальные взгляды, ксенофобия по отношению к определенным этническим группам не всегда сопровождаются участием в организованных экстремистских объединениях. Можно предположить, что слабая представленность студентов высших учебных заведений как участников экстремистских сообществ объясняется: 1) своеобразным фильтром по статусно-образовательному уровню при поступлении в вузы, более строгим, чем при поступлении в техникумы и колледжи; 2) тем, что в рамках вузов сформирована научно-академическая среда и осуществляется системная образовательная деятельность, основанная на глубоких учебно-воспитательных традициях.

Конфликтогенность студенческой среды проявляется в другом – предрасположенности определенной ее части к настроениям и идеям национального и религиозного экстремизма. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований, проведенных в 2008, 2011 - 2012, 2013 годах в различных регионах России. Приведем результаты некоторых из них.

Пензенский исследователь А. Очкина провела в 2008 году самостоятельное исследование в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского. Она отмечает, что, несмотря на неоднократные разъяснения на лекциях и семинарских занятиях природы межэтнических конфликтов, большинство студентов (67%) указало, что межэтнический конфликт – неизбежное следствие этнического и культурного многообразия. Кроме того, 51% студентов посчитал, что этнические конфликты неизбежны, почти 60% были уверены, что «разнообразие культур и языков объективно создает почву для конфликтов между этносами». В рамках исследования студентам предлагалось выбрать фактор, разделяющий людей в наибольшей степени: экономические и социальные интересы, культура, границы, политика, религия, язык, предрассудки и т. д. При этом автор намеренно предлагал самые разные варианты, ничего не объясняя, чтобы выйти на подсознательные ассоциации, мислеобразы. При ответе на этот вопрос лидером оказался вариант «национальные интересы» (23%), на

втором месте «религия» (17%), на третьем – «границы» (16%). «Язык», «политика», «традиция и культура», «экономические интересы», «социальные интересы» получили соответственно 15%, 11%, 10%, 5% и 4%. Этнические интересы показали респондентам наиболее серьезным разделяющим фактором. Экономические и социальные интересы представляются причиной для разногласий незначительному числу респондентов. Очевидно, студенты отреагировали на фразу «Что разделяет *людей* в мире» как на вопрос «Что разделяет *народы* в мире?». Сопоставляя данные результаты с наблюдениями, сделанными на семинарах, в ходе общения со студентами, автор заключил, что интерес этнический, местный, местечковый, часто представляется им более очевидным, близким, объединяющим, чем интерес социальный или классовый [100, С. 60].

С пензенскими исследованиями согласуются и данные, полученные в 2011 – 2012 году в процессе деятельности Хабаровского Краевого Межвузовского Конфликтологического Центра (МКЦ), который провел исследования в ведущих высших учебных заведениях Хабаровского края: Тихоокеанском государственном университете, Дальневосточном государственном университете путей сообщения, Хабаровской государственной академии экономики и права. Основные результаты, выявленные в ходе исследования общественного мнения молодежи в трех ведущих вузах города Хабаровска по проблемам межэтнических и межкультурных отношениях можно свести к следующим группам:

- 1) социально-психологические;
- 2) идеологические;
- 3) когнитивные;

Эти результаты являются итогами как проведенных дискуссий, так и применения метода фокус-групп. Последний использовался при проведении практических занятий по социологии, политологии и конфликтологии, связям с общественностью, в процессе которых преподаватели и студенты-активисты конфликтологического центра, стимулируя свободное обсуждение, изучали настроения студенческой молодежи.

К социально-психологической группе (1) относятся следующие выявленные феномены:

1.1) нежелание и неумение критически взглянуть на недостатки своего народа и общества;

1.2) признание толерантности, уважения к различным народам и культурам на декларативном уровне, которое сочетается с ксенофобией и этноцентризмом на индивидуальном и бытовом уровнях;

1.3) со стороны значительной части студенческой молодежи, идентифицирующей себя с русским национальным большинством, наблюдается стремление подчеркнуть свою русскую национальность, противопоставить ее нерусским идентичностям, прежде всего в лице мигрантов из республик Средней Азии и представителей северокавказских народов.

К идеологической группе (2) можно отнести такие качества как:

2.1) отсутствие активной гражданской позиции, которое заключается в боязни и нежелании признать, что коренные причины негативных явлений нашего общества следует искать, прежде всего, в самих себе: ошибках и пороках власти, собственной пассивности и лени, а не в приезжих и происках враждебных зарубежных сил;

2.2) терпимое отношение к националистической идеологии, игнорирование ценностей дружбы народов, интернациональной солидарности, толерантности и гуманизма в межэтнических отношениях;

2.3) определенная часть молодежи предрасположена к восприятию идей расизма, национализма, серьезно убеждена в правоте лозунга «Россия для русских!»;

2.4) непонимание у значительной части молодежи разницы в понятиях «русские» и «россияне» – отсюда искаженное представление о российской идентичности или ее отсутствие, которое проявляется в том, что нет осознания принадлежности к единому полиэтничному и многоконфессиональному российскому народу;

2.5) искаженное понимание русской идентичности, заключающееся в приоритетности расовых признаков по отношению к культурным, отсутствие желания воспринимать русскую идентичность как принадлежность к великой русской культуре, как стремление трудиться во благо своего народа, быть нетерпимым ко всему тому, что позорит и оскорбляет честь, достоинство и историческую память русского народа.

К когнитивной группе (3) относятся:

3.1) плохое знание отечественной и мировой истории, приводящее к фрагментарному и мифологическому сознанию, которое мешает сформировать целостное и объективное представление о корнях и причинах наших современных проблем;

3.2) незнание культур и особенностей других нерусских этносов, которое приводит к стереотипному мышлению, рождает мифы и искаженные представления о людях других национальностей [89, С. 352 - 353].

Следует оговориться, что выявленные моменты присутствуют в разном объеме и сочетании в общественном сознании студенческой молодежи. Однако, некоторые из них являются довольно распространенными (например, 1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 3.1).

В апреле 2013 г. под руководством хабаровского социолога А.Ю. Завалишина при поддержке Краевого Межвузовского Конфликтологического Центра (руководитель – Ким А.С.) было проведено пилотажное социологическое исследование (анкетный опрос, N = 258) по оценке уровня распространенности этнической ксенофобии и экстремистских настроений среди студенческой молодежи двух крупнейших городов Хабаровского края – Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. Были опрошены студенты 4-х вузов: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС), Хабаровской государственной академии экономики и права (ХГАЭиП) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КНАГТУ).

В результате проведенного исследования были выявлены:

1) различия в уровне этнической ксенофобии и экстремистских настроений по разным вузам: этот уровень в целом оказался выше среди студентов ТОГУ и КнАГТУ, и ниже среди студентов ДВГУПС и ХГАЭП (одна из возможных причин этого – сравнительно большая доля студентов нерусской национальности в ДВГУПС и ХГАЭП);

2) низкий уровень понимания сущности этничности и межэтнических отношений:

– большинство респондентов сводят их к внешним признакам или наследственности (70% – внешность, 32% – акцент, 43% – национальность родителей);

– преобладает холистский подход к пониманию межэтнических отношений (55% понимают их как отношения между этническими группами, сложившимися на данной территории, и лишь 5% – как отношения между представителями этносов);

– более 90% считают нормальным или допустимым использование понятия «лицо кавказской национальности» (являющегося обывательским штампом);

3) примерное соотношение респондентов, демонстрирующих готовность к восприятию экстремистских убеждений (от 9% до 15% по выборке), толерантных и интернационалистов (около 30%), безразличных к проблеме межэтнических отношений (около 50%);

4) влияние стереотипов на большинство респондентов: они оценивают этносы и их представителей не по личному опыту общения, а по сложившимся в обществе клише, хотя и утверждают обратное;

5) разное отношение к представителям различных национальностей. Из числа предложенных в анкете: максимально доброжелательное к русским, среднее – к якутам, армянам, китайцам, бурятам, максимально недоброжелательное к цыганам, чеченцам и таджикам, среднее – к узбекам и азербайджанцам.

Особую тревогу вызывает то, как ответили респонденты на такой вопрос: «Как Вы считаете, насколько этническая принадлежность определяет личностные качества человека (порядочность – лживость, ответственность – равнодушие,

дружелюбие – агрессивность и т.д.)?»). В таблице 1 представлены результаты ответов.

Таблица 1

Варианты ответа	ХГАЭ	КНАГ	ДВГУП	ТО	ВСЕ
	П	ТУ	С	ГУ	ГО
Определяет полностью	5,33	22,67	6,90	4,00	10,47
Определяет отчасти	64,00	57,33	74,14	58,00	63,18
Никак не определяет	29,33	13,33	17,24	38,00	23,64

Также вызывают беспокойство ответы студентов на вопрос: «Ваше отношение к тем политическим силам (группам) в России, которые предлагают очистить исконно русские регионы России от всех нерусских и, прежде всего, кавказцев и жителей Средней Азии?» (Таблица 2):

Таблица 2

Варианты ответа	ХГАЭ	КНАГ	ДВГУП	ТО	ВСЕ
	П	ТУ	С	ГУ	ГО
Приветствую	28,00	41,33	37,93	28,00	34,11
Мне это безразлично	21,33	28,00	29,31	26,00	25,97
Я против этого	46,67	29,33	29,31	42,00	36,82

Анализ результатов вышеприведенных в различных регионах исследований позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Стремление идентифицировать себя с определенной социальной группой и, следовательно, с определенными экономическими и социальными интересами,

оказалось намного слабее, чем осознание принадлежности к определенной культуре. При этом студенты не отрицают существование социальной несправедливости и социальных противоречий. Неприятие другой культуры, представления о враждебности всего непохожего на свое, привычное и известное накладываются на недовольство своим материальным и социальным положением. Признание социальных противоречий, которое сочетается с представлением о приоритете этнических интересов и этнической общности над социальными противоречиями и социальной общностью, формирует благоприятную почву для последующего развития этнонационалистических взглядов и настроений.

2. Опасное сочетание социальной протестности и этнической ксенофобии может перерасти в радикальные, устойчивые и распространенные экстремистские настроения. Смогут ли они оформиться в этнополитическое движение или организацию, зависит от целого ряда социальных факторов. Тем не менее, фактор социально-психологической предрасположенности к восприятию идеологии радикального национализма объективно существует, и это нельзя не учитывать в деятельности по конфликтологическому мониторингу межэтнических отношений. Путаница представлений о межэтнических взаимодействиях и отношениях, о роли этнического фактора в социальных процессах создает ментальную базу этнонационализма, которую можно трансформировать в идеологическую базу последовательной пропаганды, основа которой – образ врага. Как показало исследование А. Очкиной, ожидание такого врага и уверенность в том, что есть кто-то, кого можно обвинить в собственном неблагополучии, обнаружилось как весьма значимые элементы сознания студентов. Если этнические интересы (разделяют, а значит, и объединяют) сильнее остальных интересов, а этническая общность доминирует над остальными, следовательно, виновный в экономических и социальных проблемах, по логике, должен оказаться за границей этой общности [100, С. 61].

3. Источниками формирования в сознании молодежи приоритетности этнического над социально-классовым являются следующие моменты.

Во-первых, это слабость социально-классовой идентичности. Во многом это связано с тем, что студент находится в некотором переходном, маргинальном состоянии – большинство студентов имеют довольно смутное представление о своем будущем трудоустройстве и социальном статусе.

Во-вторых, существенное значение имеет то, что родители студентов вынуждены по-разному приспосабливаться к рыночным условиям, менять свой профессиональный и социальный статус.

В-третьих, определенную роль играет и существующая в России социально-статусная ситуация, при которой общественно значимые профессии не обеспечивают высокого достатка, и наоборот. С этой точки зрения можно согласиться с тезисом А. Очкиной, о том, что в такой ситуации на вопрос «Кто я?» легче ответить «Русский, татарин, православный, иудей и т. д.», чем «Рабочий, учитель, пролетарий, рантье и т.д.». Профессия часто заменяется в сознании местом работы, поскольку сохранить себя в профессии в борьбе за сколько-нибудь приличный доход удается далеко не всегда, а у студентов выбор специальности, которую они получают за время обучения, часто связан с вещами, совершенно далекими от сознательного выбора профессии и будущего занятия [100, С. 61].

В-четвертых, стремление отнести себя скорее к этнической, чем к социальной общности определяется особенностями современного гуманитарного образования в учебных заведениях. Дело в том, что преподавание гуманитарных дисциплин в вузах и школах разобщено, разбито на разные предметы. Помимо истории и философии, студенты различных, особенно социально-гуманитарных специальностей, изучают социологию, политологию, конфликтологию, гендерологию и многие другие курсы, которыми напичканы учебные планы множества образовательных учреждений. Дисциплины преподаются людьми разного уровня подготовки, разных идеологических и научных ориентаций. В результате общая социальная проблематика оказывается непонятной студентам, у них не складывается целостной картины развития общества. Негативный эффект усиливается отсутствием общенациональной российской идеологии, которая, по-

нашему глубокому убеждению, должна лежать в основе образования и воспитания молодежи.

4. Можно констатировать, что в сознании студентов отмечаются признаки этнокультурной ксенофобии, проявляющейся в представлениях о чуждости и враждебности других культур и народов. Враждебность и чужеродность связываются именно с образами народа и культуры, а не государства или социальной группы. Необходимо отметить, что ксенофобские представления сочетаются с низким уровнем любознательности, нежеланием узнавать и принимать новое, не связанное с привычным, своим. В таком культурно-психологическом состоянии формируются различные мифы об особенностях поведения и культуры других народов, создаются этнические стереотипы, несоответствующие объективной реальности.

5. Этнополитическая конфликтогенность во многом формируется СМИ и другими каналами массовой коммуникации. Наиболее активными в этом плане являются сетевые сообщества. Они выходят за пределы пространственных, временных, организационных и технологических ограничений, осуществляя тем самым глобальное виртуальное информационное воздействие на молодежь. Особенно если учесть, что вклад личного опыта в формирование представлений о различных народах у значительной части студентов невелик. При этом следует отметить, что ксенофобия и элементы этнического национализма не носят фокусированный характер у большинства опрошенных студентов. Неприязненное отношение больше представлено на массово-групповом уровне, нежели на межличностном. Следовательно, можно говорить о том, что ксенофобия в сознании большинства студенческой молодежи пока не трансформируется в националистическую или фашистскую идеологию.

6. В то же время, как мы увидели, некоторые исследователи полагают, что по сравнению с девяностыми годами прошлого века, в России наблюдается рост протестных настроений среди молодежи. Есть серьезные основания полагать, что наиболее это характерно для студентов и более взрослых представителей молодежи с высшим образованием. В условиях отсутствия целенаправленного

гражданского государственного воспитания экстремистские и правонационалистические организации пытаются заполнить нишу социального протеста против давления нелегальной эмиграции, нерешенности многих социально-экономических проблем, придавая им этнополитическую направленность. Именно поэтому несфокусированность выявленных ксенофобских настроений ни в коем случае не должна порождать иллюзию благополучия, а значит нельзя исключать большую вероятность рекрутирования студенческой молодежи в экстремистские сообщества. Более того, как мы увидели, верхний уровень внутренней стратификации этих сообществ как раз и состоит из людей среднего возраста с высшим образованием.

На наш взгляд, этнополитическая ситуация в молодежной (студенческой) среде вызывает серьезные опасения, тем более, что представленные исследования проводились в регионах с традиционно спокойной ситуацией в области межэтнических отношений. Так, Хабаровский край является весьма полиэтничным регионом, имеющим в значительной степени трансграничный характер ввиду близости к странам АТР. Это наводит на размышления о том, что, несмотря на различные социально-экономические, политические и культурные особенности регионов, мировоззренческая и социально-психологическая предрасположенность к восприятию национального и религиозного экстремизма объективно существует (напомним, в Хабаровском крае 15% опрошенных в 2013 году высказались положительно в отношении экстремистских действий) на уровне молодежного сознания в среде наиболее образованной ее части – студентов высших учебных заведений. Таким образом, социологический анализ данных научно-практических исследований этнополитической конфликтности молодежной, студенческой среды, проведенных в Пензенской области и Хабаровском крае, в целом подтверждает корректность рабочей гипотезы диссертации.

2.2 Социологический анализ этнополитической конфликтности студенческой молодежи Хабаровского края

Для верификации рабочей гипотезы диссертации соискателем было проведено эмпирическое исследование в форме массового анкетного опроса студентов 2 – 4 курсов четырех ведущих вузов Хабаровского края. Исследование прошло в два этапа. Это было обусловлено не потребностью рассмотрения динамики изучаемого феномена, а необходимостью более развернутого охвата респондентов с точки зрения большей достоверности и обоснованности социологического анализа. Ввиду такой особенности исследования его результаты приводятся в тексте параграфа в виде парных или обобщенных цифровых данных, соответствующих сентябрю 2013 и февралю 2014 г. (например, 108 / 259; 50 % - 70% или от 50 % до 70 %).

В сентябре 2013 г. при технической поддержке Хабаровского краевого межвузовского конфликтологического центра было проведено эмпирическое исследование следующих ведущих вузов Хабаровского края: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, N=108), Хабаровской государственной академии экономики и права (ХГАЭП, N=119), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС, N=97) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КНАГТУ, N=201). В феврале 2014 года в тех же вузах было проведено исследование в рамках проекта «Высшие учебные заведения Хабаровского края – территория межнационального согласия: профилактика этнического экстремизма». Проект реализовывался автономной некоммерческой организацией «Аналитический центр по рациональному разрешению социальных проблем «АБВГД» (президент В.Ю. Стадник,) при информационно-организационной поддержке Правительства Хабаровского края и Межвузовского конфликтологического центра. Были опрошены студенты: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, N=259), Хабаровской государственной

академии экономики и права (ХГАЭП, N=267), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС, N=266) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КнАГТУ, N=241).

В общей сложности было опрошено 1558 респондентов, доверительная вероятность составила 95%, доверительный интервал $\pm 3,9\%$; тип выборочной совокупности квотный в разрезе вузов и простой вероятностный при отборе факультетов и специальностей, случайный на этапе отбора респондентов.

Анкета включала паспортичку и 4 блока, позволивших оценить наличие этнополитической конфликтогенности студенческой молодежи в соответствии с ее составляющими, указанными в рабочей гипотезе: 1) особенности этнонациональной (само)идентификации (соискателя интересовало, по каким критериям респонденты идентифицируют русских/нерусских/россиян); 2) характер восприятия этнонациональной проблематики России и Хабаровского края (для выяснения характера понимания этнических процессов и межэтнических отношений); 3) личное отношение к представителям некоторых этнических групп, проживающих в дальневосточном регионе (для выявления уровня этнологической культуры в аспекте обладания адекватными представлениями о культурах других народов); 4) этнополитическую ориентацию на те или иные формы решения этнонациональных проблем в современной России.

В состав выборки попали 37,0% / 40,3 % юношей и 63,0% / 59,7% девушек, из которых 72,4% / 71,2 были горожанами, 27,6% / 28,8 – жителями рабочих поселков и деревень; 88,6% / 90,2% респондентов считают себя «русскими», 5,6% / 5,4% – «нерусскими», 5,8% / 4,4 затруднились с определением своей этнической принадлежности. Отклонение от генеральной совокупности по выделенным параметрам не превысило 5%.

Соискателя интересовало мнение, прежде всего, самой многочисленной этнической общности России и Хабаровского края – «русских», этнополитические ориентации которых, по сути, определяют вектор развития межэтнических

отношений в стране в целом. Вместе с тем, обозначившееся в ходе исследования «нерусское» и не определившееся со своей этнической принадлежностью меньшинство (в сумме это 9,8 / 11,4% респондентов), также было учтено в качестве своего рода контрольной группы, позволившей сравнить полученные ответы и сделать на основании этого определенные выводы. При этом в приложении содержатся данные анкетного опроса, полученные без учета разделения респондентов на русских и нерусских, что на наш взгляд, необходимо для большей достоверности выводов по верификации рабочей гипотезы диссертационного исследования.

Первый вопрос первого блока «Кого Вы считаете русскими?» включал три варианта ответов, отразивших наиболее часто встречающиеся мнения молодых людей, высказанные ими в ходе предварительных обсуждений (см. табл. 1).

Таблица 1 – Ответы на вопрос «Кого Вы считаете русскими?»

Варианты ответа	«Русские »	«Нерусск ие»
Это те, кто обладает российским гражданством, независимо от их этнической принадлежности и расы	18,3/13,5	12,9/10,5
Это те, кто считает русский язык и русскую культуру родными, независимо от их этнического происхождения и расы	37,9/47,9	32,7/32,6
Это те, у кого русская внешность и русские предки	43,8/36,5	54,4/53,7

Первый вариант ответа отразил гражданскую позицию, часто озвучиваемую представителями иностранных государств, слабо или вообще не разбирающимися в этно-национальной специфике населения России. Для них «россияне» означает «русские», и такой обобщенный подход нашел отражение даже в языках европейских народов, например, в английском, где прилагательное «Russian» одновременно означает и «российский», и «русский». Однако, что касается мнений на этот счет тех, кто сами считают себя русскими, то в их сознании

нередко возникает сложная этическая конфигурация, при которой подмена понятий приводит к ложным и потенциально опасным выводам, типичным для этнонационалистического дискурса. Логика примерно такова: «Россияне – это русские, следовательно, нерусские – не россияне... Россияне-русские – граждане (=хозяева) страны, а остальные – приезжие, гости, часто незваные». Последнее утверждение автоматически исключает представителей нерусских народов России из гражданского пространства РФ и ставит их в заведомо неравноправное положение по отношению к русским – «истинным россиянам», что само по себе уже конфликтогенно с точки зрения необходимости гражданского мира и межнационального согласия. Поэтому распространение такого подхода среди современной молодежи объясняется во многом отсутствием должного патриотического воспитания и этнологического образования, подкрепленного влиянием текстов националистической направленности, имеющих в свободном доступе в интернете на сайтах русских националистических организаций или в социальных сетях.

Второй вариант ответа – «это те, кто считает русский язык и русскую культуру родными, независимо от их этнического происхождения и расы», по сути, отражает авторское мнение, поскольку в современном мультикультурном обществе (которым является и Россия) именно культурная идентичность чаще всего является и этноопределяющей. Это особенно актуально для Дальнего Востока как территории массовой иммиграции, где межэтнические и межрасовые браки давно стали распространенным явлением. В ситуации «смешивания» кровей и отсутствия культурной среды родителей нерусской этнической принадлежности именно идентичность с русской культурой позволяет детям-метисам обрести соответствующий статус и обеспечить устойчивое положение в дальневосточном социуме. Полагаем, что этим можно объяснить и высокий процент респондентов, идентифицировавших себя с «русскими», в то время как по нашим наблюдениям фенотипически и формально (по фамилиям и отчествам) «чисто русских» среди них намного меньше.

Последнее вступает в очевидное противоречие с третьим вариантом ответа на вопрос «Кого Вы считаете русскими?» («это те, у кого русская внешность и русские предки»), набравшим наибольшее количество ответов респондентов, причем, заметно больше среди «нерусских», чем «русских» (54,4% / 53,7 против 43,8% / 36,5). По сути, это примордиалистский подход, тяготеющий к бытовому расизму, когда о человеке судят по его внешности, а не социокультурным или психологическим качествам. Заметное преобладание «нерусских» среди выбравших этот вариант ответа, возможно, объясняется тем, что им на себе пришлось испытать дискриминирующее воздействие тезиса «россияне – русские, нерусские – нероссияне», связанное с их «нерусской» внешностью.

Давая общую оценку ответов на вопрос о русской идентичности, можно отметить явное наличие сходных тенденций в ответах «русских» и «нерусских» респондентов с некоторым преобладанием культуралистского подхода у «русских» и фенотипического у «нерусских». Доля респондентов, адекватно оценивающих русскую (как и любую иную этническую) идентичность, примерно такая же, как (колеблется между 30 – 60%,) и у тех, чьи взгляды являются «питательной средой» для распространения националистических идей и разжигания межэтнической розни.

Следующий вопрос касался уже российской идентичности. Так же, как и в первом случае, варианты ответов были сформулированы в ходе предварительных обсуждений данной проблемы со студентами. Тот факт, что с формальной точки зрения верным является лишь один из них, свидетельствует, на наш взгляд, не столько о некомпетентности (неграмотности) молодых людей в этом вопросе, сколько о наличии устойчивых предубеждений, тяготеющих к социальным мифам, а это имеет прямое отношение к теме данного исследования, поскольку проявляется в тех или иных формах этнополитической активности (см. табл. 2).

Таблица 2 – Ответы на вопрос «Кого Вы считаете россиянами?»

Варианты ответа	«Русские »	«Нерусск ие»
-----------------	---------------	-----------------

Это все люди, живущие в России, независимо от их гражданства	9,7 / 8,2	11,6 / 8,4
Это люди, обладающие российским гражданством, независимо от их национальности и места проживания	50,3 / 42,5	55,0 / 52,6
Это русские, живущие как в России, так и в других государствах	28,4 / 28,6	16,7 / 17,9
Это те, кто говорит по-русски и знает русскую культуру, независимо от их этнической принадлежности (национальности)	11,6 / 20,3	16,7 / 22,1

Корректный ответ («это люди, обладающие российским гражданством, независимо от их национальности и места проживания») выбрала примерно половина всех респондентов. Тех «русских» и «нерусских», которые отдали предпочтение первому варианту («это все люди, живущие в России, независимо от их гражданства») с некоторой долей условности можно отнести к космополитам. А вот выбравших третий и четвертый варианты, при всей их несхожести, мы относим к «государственникам», поскольку в обоих случаях явно просматривается параллель «россияне=русские». Их совокупная доля среди «русских» респондентов составила 40,0% / 48,9% , среди «нерусских» – 33,4% / 40%.

Обобщая можно сказать, что этническая (культурная) и национальная (политическая) идентичности дальневосточной молодежи соответствуют их реальному положению и современной общественной оценке не более чем в половине случаев. По разным показателям от 30% до 70% молодых дальневосточников составляют потенциальную базу для распространения идей этнического национализма.

Следующий блок вопросов касался уровня включенности студентов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре в этно-национальную проблематику России. Ответы на вопрос «Насколько, на Ваш взгляд, проблемы межэтнических

(межнациональных) отношений являются важными для развития современной России?» дали следующие результаты (см. табл. 3).

Таблица 3 – Ответы на вопрос «Насколько, на Ваш взгляд, проблемы межэтнических (межнациональных) отношений являются важными для развития современной России?»

Варианты ответа	«Русские»	«Нерусские»
Имеют первостепенное значение	40,9/38,1	48,3/42,1
Важные, но не главные	57,2/58,2	45,0/46,3
Незначимы	1,9/2,0	6,7/11,6

Показательно, что лишь совсем небольшая часть респондентов считает проблемы межэтнических отношений в России «незначимыми». Для подавляющего большинства они «имеют первостепенное значение» либо являются «важными, но не главными», причем, мнения здесь разделились практически поровну. Этот результат можно объяснить двояко: с одной стороны, как следствие обобщения личного опыта межэтнических взаимодействий, экстраполированного на полиэтничное пространство России, с другой, как следствие влияния средств массовой информации, переполненных сообщениями об этнических конфликтах и отдельных столкновениях, время от времени происходящих практически во всех регионах страны. Второе нам представляется более вероятным, а потому возможным к политическому конструированию: интересом и значимостью этнической проблематики среди населения страны можно успешно управлять. Эта достаточно очевидная идея имеет для нас принципиально важное значение, поскольку предполагает возможность выработки алгоритма для эффективного управления этнополитическими процессами в стране и ее регионах, чему будет посвящен заключительный раздел диссертации.

Ответ на вопрос «Какая проблема межэтнических (межнациональных) отношений, на Ваш взгляд, наиболее остра в России на сегодняшний день?» предполагал выяснение мнений респондентов относительно наиболее острых

проблем межэтнических отношений, находящихся в центре российского общественно-политического дискурса в течение, по меньшей мере, последних пяти лет (см. табл. 4).

Таблица 4 – Ответы на вопрос «Какая проблема межэтнических (межнациональных) отношений, на Ваш взгляд, наиболее остра в России на сегодняшний день?»

Варианты ответа	«Русские »	«Нерусские»
Внешняя миграция из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан)	40,8/34,1	30,0/33,7
Внутренняя миграция граждан России – жителей республик Северного Кавказа (Дагестана, Ингушетии, Чечни и др.)	24,1/22,2	18,3/14,7
Отношения между гражданами России: русскими – с одной стороны, и всеми нерусскими – с другой	35,1/43,8	51,7/51,6

Исследование позволило обозначить степень озабоченности респондентов проблемами внешней (из стран СНГ, прежде всего, Средней Азии) и внутренней (прежде всего, с Северного Кавказа) миграции, а также отношениями между «русскими» и «нерусскими» россиянами. Первое, что обратило на себя внимание – это отсутствие четкой выраженности преобладающей проблемы среди респондентов-«русских». Парадоксальным, на первый взгляд, выглядит некоторое преобладание выбравших первую проблему, как наиболее острую, над выбравшими вторую, поскольку публичное недовольство «наглостью» «кавказцев» явно преобладает над неприятием «среднеазиатов», которые, как правило, не вступают в открытые столкновения с местным населением, как «русским», так и «нерусским». И это выглядит еще более парадоксальным, если иметь в виду, что большинство наших респондентов составляют девушки, которые, судя по их высказываниям при выборе варианта ответа «другое», чаще

страдают от навязчивости и грубости в их отношении именно со стороны «кавказцев».

Однако при всем том, что респонденты проявили заметную озабоченность внешними и внутренними миграционными потоками (это можно объяснить постоянной актуализацией данной темы в СМИ и выступлениях российских политиков), более важным для исследования стало открытие, что значительная их доля как первостепенную выделила проблему отношений между гражданами России «русскими» и «нерусскими», причем, доля среди них тех респондентов, которые идентифицировали себя как «нерусских» намного превысила долю «русских» (51,7% / 51,6 против 35,1% / 43,8). Последнее позволяет утверждать о наличии латентного социально-психологического доминирования русского большинства по этническому признаку, которое в большей степени ощущают «нерусские» дальневосточники. Неудовлетворенность отношениями между «русскими» и «нерусскими», отмеченная от 35,1% до 43,8 % «русских» респондентов и более 51 % «нерусских» – это значительная величина, которую нельзя игнорировать при оценке этнополитической конфликтности.

Третий вопрос анкеты, сформулированный в рамках второго блока, предполагал выяснение уровня распространенности среди молодежи Хабаровского края мировоззренческого холизма и мировоззренческого индивидуализма (см. табл. 5). Как известно, первый основывается на принципе обобщения и тяготеет к социологизму Э. Дюркгейма, согласно которому коллективное бытие и коллективное сознание подчиняет себе волю входящих в данный коллектив индивидов, превращая их в некую социокультурную целостность. Второй утверждает о высокой степени автономности личности (номинализм М. Вебера) и преобладании личностных черт над навязываемыми общностью или группой, в которую включен индивид. Соответственно, те респонденты, которые считают этническую (коллективную) принадлежность определяющей при оценке конкретного человека, склонны к мировоззренческому холизму, те же, для кого личностные качества важнее этнической принадлежности – к мировоззренческому индивидуализму. В условиях

полиэтнического общества преобладание второго является важным условием для достижения межэтнического мира и согласия.

Таблица 5 – Ответы на вопрос «Имеет ли для Вас значение этническая принадлежность (национальность) человека?»

Варианты ответа	«Русские »	«Нерусск ие»
Да (этническая принадлежность во многом определяет и личные качества человека)	12,7 / 16,4	11,6 / 12,6
Нет (личные качества человека важнее его этнической принадлежности)	51,2/51,6	56,7/67,4
Да, но только по отношению к некоторым национальностям	36,1/31,5	31,7/20

При ответе на данный вопрос не выявились статистически значимые различия в мнениях «русских» и «нерусских» респондентов, однако, сам результат поразителен: доли тех, кто последовательно придерживается принципов мировоззренческого индивидуализма и, хотя, не всегда последовательно – мировоззренческого холизма, оказались примерно равными (для «русских» 51,2% /51,6% против 48,8%, / 47,9 %; для «нерусских» 56,7% /67,4 против 43,3% / 32,6). Сама по себе такая мировоззренческая «расколотость» также является настораживающим фактором, несущим угрозу этническому миру на Дальнем Востоке. Именно холистский подход, предполагающий обобщение («каждый как все») и коллективную ответственность («каждый в ответе за всех»), является предпосылкой этнической дискриминации и этноцида.

Четвертый вопрос второго блока позволил нам определить самоощущения «русских», находящихся в полиэтнической среде Дальнего Востока, и сравнить эти самоощущения с «внешней» оценкой «нерусских» респондентов (см. табл. 6).

Таблица 6 – Ответы на вопрос «Как, на Ваш взгляд, относятся к русским представители нерусских народов России?»¹

Варианты ответа	«Русские»	«Нерусские»
Положительно	7,3 / 6,8	16,7 / 11,6
Нейтрально	45,4 / 37,1	43,3 / 41,1
Отрицательно	34,4 / 40,7	26,7 / 35,8

Судя по довольно большому количеству ответов «другое», выбранных респондентами, данный вопрос оказался непростым и часто болезненным для них. Это же подтверждает и общая оценка: всего 7,3% / 6,8 «русских» считают отношение к ним со стороны «нерусских» положительным (однако, насколько это мнение объективно, можно дискутировать, поскольку оценивших его таким же образом «нерусских» оказалась в два с лишним раза больше). Около половины респондентов полагают отношение к русским нейтральным и около трети – отрицательным. Последнее со всей очевидностью говорит о чувстве психологического дискомфорта, испытываемого, практически, каждым третьим «русским» в отношениях с «нерусскими».

Об этом же можно судить и по тем особым мнениям, которые они вписали в анкету при ответе на данный вопрос: «как мы к ним относимся, так и они к нам относятся»; «с недоверием»; «неуважительно, чтят только свои законы»; «некоторые нейтрально, а некоторые отрицательно и, будучи в нашей стране, допускают хамское поведение в сторону русских»; «нельзя сказать однозначно, но в большинстве случаев (к сожалению) нерусские народы чувствуют себя хозяевами по отношению к нам»; «я считаю, что в основном нерусские народы Средней Азии агрессивны (многие), а представители других – нормально, мусульмане – агрессоры»; «они терпят нас, но не уважают за то, что мы – русские – относимся к ним как к «животным» (работодатели)»; «народ из стран Средней Азии неуважительно относится к гостеприимству России, в основном, на мой

¹ Сумма ответов на данный вопрос «русских» и «нерусских» респондентов оказалась меньше 100%, поскольку значительная их часть выбрала вариант «другое», чтобы высказать по нему особое мнение.

взгляд, к женскому полу»; «зависит от национальности, отношение некоторых оставляет желать лучшего».

В этих высказываниях звучит и боль за перенесенные обиды, и озабоченность этноконфликтогенностью социальной среды, и доля самокритичности. Но показательно, прежде всего, то, что лишь некоторые респонденты сделали акцент на персонификации такого отношения: «все зависит от человека», «зависит от воспитания», «каждый по-разному», «зависит от частных жизненных ситуаций». Как очевидно, данные оценки и общее негативное мнение со стороны трети опрошенных респондентов «русских» об отношении к ним «нерусских» (судя по высказываниям, речь здесь идет, прежде всего, о мигрантах из Средней Азии и Кавказа) свидетельствует о глубоко укорененной настороженности в отношении «нерусских», и особенно «мусульман-агрессоров», преодоление которой является одной из первостепенных и крайне сложных задач в деле нормализации межэтнических отношений в Дальневосточном регионе и России в целом.

Пятый вопрос второго блока касался оценки того места, которое занимает этнический фактор в продуцировании социальных различий между людьми, насколько он значим с точки зрения респондентов. При формулировке вариантов ответов мы сознательно ушли от этнической терминологии, чтобы посмотреть, насколько ответы на данный вопрос будут коррелировать с мнениями о значении межэтнических (межнациональных) отношений для развития современной России. Получился следующий рейтинг факторов различий (см. табл. 7).

Таблица 7 – Ответы на вопрос «Как Вы думаете, что в наибольшей степени разделяет людей в современном Российском обществе?»²

Варианты ответа	«Русские»	«Нерусские»
Язык, традиции, образ жизни	49,3/49,4 (1)	46,7 / 51,6 (1)
Стереотипы и предрассудки	43,2/41,9	38,3 / 43,2

² Сумма долей респондентов, ответивших на данный вопрос, больше 100%, поскольку при ответе на него можно было выбрать 2 варианта ответа или предложить собственный.

	(2)	(2)
Экономические интересы	30,3/28,1 (3)	23,3 / 28,4 (4)
Религия	30,1/19,1 (4)	30,0 / 24,2 (3)
Политика государства	15,3/16,7 (5)	18,3 / 11,6 (5)
Территориальные границы	9,9 / 9,6(6)	9,5 / 8,3 (6)

Ответы на этот вопрос вновь продемонстрировали почти полное единодушие между «русскими» и «нерусскими» респондентами. Результат показал и корреляцию с ответами на вопрос о значении межэтнических (межнациональных) отношений для развития современной России: первую позицию в рейтинге заняли этнодифференцирующие признаки («язык, традиции, образ жизни»). Самокритично и обнадеживающе стало размещение на второй позиции «стереотипов и предрассудков»: если респонденты в массе своей считают причинами социального разделения именно это, значит, они морально готовы к критическому диалогу и пересмотру своих мнений, нужно лишь помочь им в этом. Третью и четвертую позиции разделили «экономические интересы» и «религия» (примерно 20 - 30% ответов), что также говорит об их важности для молодых людей в современном обществе. Ну, а «политика государства» и «территориальные границы» для большинства оказались много менее значимыми.

Третий блок анкеты, предполагающий выявление личного отношения респондентов к представителям различных этнических групп, открылся вопросом об отношении к возможному увеличению количества мигрантов в Хабаровском крае. Ответы распределились следующим образом (см. табл. 8).

Таблица 8 – Ответы на вопрос «В случае, если количество мигрантов в Хабаровском крае будет значительно увеличиваться, как Вы к этому отнесетесь?»³

Варианты ответа	«Русские»	«Нерусские»
Терпимо	25,6 / 27,6	28,3 / 30,5
Нетерпимо	52,9 / 49,4	38,3 / 37,9
Безразлично	14,2 / 16,7	25,0 / 29,5

Здесь мы вновь столкнулись с разбросом мнений респондентов в отношении данной проблемы: немногим менее половины «русских» заявили, что отнесутся к увеличению количества мигрантов «терпимо» или «безразлично», и чуть больше половины – «нетерпимо» (39,8% против 52,9%). Среди «нерусских» отношение к мигрантам (как, впрочем, можно было предположить заранее) оказалось почти в точности противоположным: 53,3% «лояльных» против 38,3% «нетерпимых».

Достаточно многочисленные высказывания, вписанные в графу «другое», позволяют оценить степень нетерпимости к мигрантам со стороны «русского» большинства: «ужасно!»; «отрицательно!!!!!!»; «меня однозначно это не устраивает, мигрантов становится больше, чем коренных жителей, к тому же они множатся, но сделать мы ничего не можем»; «я напишу письмо в правительство Хабаровского края о выселении мигрантов»; «буду терпеть, но, как и сейчас, обходить стороной все места скопления мигрантов»; «люто, бешено»; «бить их»; «куплю оружие».

Впрочем, были и более сдержанные высказывания, основанные на принципах толерантности: «смотря какой национальности»; «я отнесусь к этому крайне негативно, но так как больше ничего не остается, придется мириться с этим»; «если мигранты будут соблюдать законы, уважать правила и традиции РФ, то терпимо»; «терпимо, если это будут представители Кореи или белорусы и украинцы»; «а что тут поделаться?»; «я не против мигрантов, живущих в России, я

³ Сумма ответов на данный вопрос «русских» и «нерусских» респондентов оказалась меньше 100%, поскольку значительная их часть выбрала вариант «другое», чтобы высказать по нему особое мнение.

против тех, кто Россию уничтожает, убивает русскую культуру»; «все зависит от их поведения»; «если они будут уважительно относиться к людям, то безразлично»; «если мигранты будут уважать Хабаровский край, то терпимо».

В этих высказываниях, при всей их одиозности, на наш взгляд, просматриваются не только явные или скрытые этнический экстремизм и ксенофобия по отношению к «другим» (мигрантам, мусульманам, «хачам»), но и страстный призыв сделать все возможное, чтобы помочь молодым людям преодолеть эти крайне негативные и опасные чувства и настроения.

Второй вопрос третьего блока анкеты был предназначен для выяснения степени открытости молодых людей к межкультурному диалогу, готовности и желания лучше узнать культуру, традиции, обычаи, язык тех народов, представители которых волей судьбы оказались рядом с ними. Ответы на данный вопрос вновь продемонстрировали разделение мнений респондентов почти на две равные части. При этом в сравнении с «русскими», «нерусские» продемонстрировали большую степень готовности к межкультурному диалогу (см. табл. 9).

Таблица 9 – Ответы на вопрос «Возникало ли у Вас желание лучше узнать традиции, обычаи, искусство, выучить язык хотя бы одного из народов России (кроме русского)?»

Варианты ответа	«Русские»	«Нерусские»
Да, потому что знание культур других народов способствует установлению понимания с их представителями	46,9 / 49	58,3 / 60,0
Нет, потому что не вижу в этом смысла	48,6 / 43,8	36,7 / 34,7

Записи, оставленные по этому вопросу в графе «другое», чаще всего свидетельствовали об отсутствии мотивации: «нет желания»; «не думала об этом»; «пока не возникало, но, думаю, возникнет в будущем»; «не возникало, но не по причине безразличия»; «не задумывалась об этом». Однако встречались и более конструктивные высказывания: «да, потому что знание языка и культуры

расширит мой кругозор и сделает духовно богаче»; «традиции, обычаи и искусство да, но не язык. Интересен только жизненный и бытовой уклад»; «да, у меня много нерусских друзей»; «да, для повышения своей образованности». Были и категоричные возражения: «лучше учить иностранный язык, а именно английский»; «только если корейские традиции, обычаи»; «нет, т.к. моя культура для меня превыше прочих». Как представляется, для многих молодых людей этот вопрос оказался неожиданным. И нужно приложить сравнительно немного усилий для того, чтобы сформировать у них устойчивый интерес к культурам, обычаям и языкам других народов России.

Третий вопрос третьего блока анкеты касался отношения к проблеме развития культур народов Хабаровского края в рамках школьного образования. Причем, была сделана принципиальная оговорка о том, что это касается только тех групп населения и школ, которые размещены на территориях исконного проживания коренных народов (см. табл. 10).

Таблица 10 – Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к идее введения в школьные программы изучения языка и культуры коренного народа той или иной территории для всех учащихся, включая русских?»

Варианты ответа	«Русские»	«Нерусские»
Я это приветствую	22,2 / 28,2	31,7 / 27, 4
Я против этого	49,0 / 38,8	30,0 / 35,8
Мне безразлично	28,8 / 32,5	38,3 / 36,8

Здесь обнаружилось разделение мнений «русских» респондентов на три доли: противников, сторонников и безразличных. Преобладание противников вызывает особое опасение, поскольку речь идет о пренебрежении со стороны представителей русского этнического большинства этнокультурными потребностями коренных малочисленных народов Хабаровского края, что само по

себе конфликтогенно в аспекте гармонизации межэтнических отношений в регионе. Если иметь в виду неустойчивость позиции безразличных, то можно предположить, что в случае развития межкультурного диалога в худшую сторону, они примкнут к противникам, которые составят после этого абсолютное большинство. Что касается мнений «нерусских» респондентов, то незначительные отличия в их ответах в сравнении с «русскими» также вполне объяснимы: они более открыты к межкультурному диалогу хотя бы потому, что уже находятся в его пространстве по причине своей нерусской этнической принадлежности.

Четвертый вопрос третьего блока анкеты позволил оценить характер отношения респондентов к группам этносов, находящимся в пространстве этнополитического дискурса России и Хабаровского края (см. табл. 11).

Таблица 11 – Ответы на вопрос «Попробуйте оценить Ваше личное отношение к представителям некоторых национальностей (–1 – отрицательно, 0 – нейтрально, +1 – положительно)»

Представители национальностей		Отри- ца- тельно	Ней- т- рально	Поло- жи- тельно
Выходцы из Закавказья (азербайджанцы, армяне, грузины)	«Р »*	43,6 / 39,7	45,4 / 46,2	11,0 / 12,4
	«Н /р»	33,3 / 31,6	45,0 / 41,1	21,7 / 27,4
Китайцы	«Р »*	27,6 / 28,6	58,8 / 56,5	13,6 / 11,6
	«Н /р»	41,2 / 18,9	42,8 / 57,9	16,0 / 22,1
Коренные малочисленные народы Дальнего Востока (нанайцы, удэгейцы, чукчи, эвенки и др.)	«Р »*	6,2 / 5,6	59,1 / 56,1	34,7 / 34,9
	«Н /р»	20,4 / 5,3	45,6 / 60,0	34,0 / 33,7

Коренные немалочисленные народы Дальнего Востока (буряты, якуты)	«Р»	7,3 /	56,9	35,8
	»*	6,3	/ 56,4	/ 34,7
	«Н	13,3	46,7	40,0
	/р»	/ 3,2	/ 56,8	/ 40,0
Российские (дальневосточные) корейцы	«Р»	8,1/	63,3	28,6
	»*	6	/ 60	/ 31,9
	«Н	13,3	45,0	41,7
	/р»	/ 5,3	/ 55,8	/ 38,9
Выходцы с Северного Кавказа (чеченцы, дагестанцы, ингуши и др.)	«Р»	60,8	32,6	6,6 /
	»*	/ 58,5	/ 33,9	5,3
	«Н	50,0	33,3	16,7
	/р»	/ 44,2	/ 40,0	/ 15,8
Славяне (русские, украинцы, белорусы)	«Р»	3,8 /	22,5	73,7
	»*	2,3	/ 28,2	/ 68,1
	«Н	3,4 /	28,3	68,3/
	/р»	5,3	/ 42,1	52,6
Татары	«Р»	9,5 /	68,8	21,7
	»*	11,3	/ 67,5	/ 18,8
	«Н	20,0	56,7	23,3
	/р»	/ 12,6	/ 60,0	/ 26,3
Выходцы из Средней Азии (таджики, узбеки и др.)	«Р»	55,9	37,4	6,7 /
	»*	/ 51,0	/ 40,4	6,8
	«Н	53,3	35,0	11,7
	/р»	/ 45,3	/ 40,0	/ 14,7

* «Р» – «русские»; «Н/р» – «нерусские».

Результат в ряде моментов получился неожиданным. Так, оказалось, что «нейтральное» отношение у респондентов преобладает над «отрицательным» ко всем группам этносов, кроме северокавказских и среднеазиатских. В выборке не оказалось ни одной этнической группы, по отношению к которой мнения

респондентов были бы однозначно положительными или отрицательными (включая славянские этносы).

«Нерусские» респонденты в сравнении с «русскими» продемонстрировали много большую интолерантность к этносам и этническим группам, которые, как правило, не вызывают к себе выраженного неприятия в дальневосточном сообществе: китайцам, коренным народам Дальнего Востока (малочисленным и немалочисленным), российским корейцам и татарам. Наоборот, уровень неприязни к этносам, находящимся на пике негативного дискурса (народы Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии) оказался у них хотя и очень высоким, но все же более низким, чем у «русских». Причины последнего нуждаются в дополнительном исследовании, однако, это, бесспорно, должно быть учтено при разработке превентивной деятельности в сфере этнополитики.

Четвертый блок анкеты, направленный на выявление этнополитической ориентированности респондентов на те или иные формы решения межэтнических конфликтов, включил в себя четыре вопроса, подчиненные одной теме: отношение к различным способам решения этнополитических проблем в современной России (см. табл. 12).

Таблица 12 – Ответы на вопросы
об отношении к различным способам решения этнонациональных проблем в
современной России

Способы решения этнополитических проблем		Варианты ответов		
		Приветствую	Мне это безразлично	Я против этого
Создать общество, в котором было бы комфортно жить всем людям, независимо от их	«Р»*	70,5 / 72,2	18,9 /17,6	10,6 / 9,6

этнической принадлежности	« Н/р»	63,3 / 75,8	25,0 / 18,9	11,7 / 4,2
Проводить политику русификации, чтобы все народы России стали, по сути, русскими, утратив свою этническую самобытность	« Р»*	18,3 / 18,8	29,9 / 30,1	51,8 / 49,9
	« Н/р»	20,0 / 7,4	23,3 / 26,3	56,7 / 65,3
Реализовать принцип «Россия – для русских», полагая русский этнос высшим, государственно образующим, а все остальные – низшими, которые должны ему подчиняться	« Р»*	20,6 / 20,5	20,8 / 25,6	58,6 / 53,0
	« Н/р»	11,7 / 7,4	28,3 / 17,9	60,0 / 73,7
Использовать сложившийся в СССР опыт дружбы народов	« Р»*	64,9 / 66,6	16,3 / 14,2	18,8 / 18,5
	« Н/р»	61,7/ 78,9	18,3/ 11,6	20,0 /9,5

* «Р» – «русские»; «Н/р» – «нерусские».

Первое и самое важное, что показали ответы на эти вопросы - у каждого представленного здесь способа решения этнополитических проблем есть свои сторонники и противники. Опрос показал, что в среднем от 50% до 70% респондентов придерживаются принципов толерантности, гуманизма, справедливости в решении этнонациональных проблем в России. Вместе с тем, от 10% до 20% демонстрируют приверженность националистическим и экстремистским планам, что не может не вызывать озабоченность. Это потенциальные (а, возможно, уже реальные участники и даже боевики русских националистических групп, существующих в Хабаровском крае).

От 15% до 30% респондентов заявляют о своем безразличии к проблеме решения этнонациональных проблем, по крайней мере, в тех формах, которые приведены в анкете. Однако было бы ошибкой считать эту часть молодых людей

неким балластом, который останется незыблемым при любых обстоятельствах. Аморфность их этнополитических позиций может привести к тому, что в случае обострения межэтнических отношений они могут быть заражены радикально-националистической риторикой и даже вовлечены в ряды экстремистских групп.

Подводя общий итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. При всех различиях между «русскими» и «нерусскими» респондентами сходств в их отношении к этнополитической проблематике России и Дальнего Востока оказалось гораздо больше, чем различий. Что касается оценки результатов, полученных без учета разделения респондентов на «русских» и «нерусских», то выявленные различия на разных стадиях исследования общественного мнения студенческой молодежи (сентябрь 2013 г. и февраль 2014 г. соответственно) еще более несущественны (см. приложение).

2. Анализ ответов на вопросы анкеты позволяет заключить, что лишь совсем небольшая доля респондентов (до 10%) продемонстрировала последовательные «этнонационалистические» / «толерантно-демократические» взгляды или заявили о своем «безразличии». Все остальные в ответах на разные вопросы зачастую высказывали едва ли не противоположные мнения, что само по себе свидетельствует о неустойчивости их позиций в отношении к этнонациональной проблематике, размытости, неустойчивости, а возможно и отсутствию этнополитической ориентации.

3. От 10% до 20% (по разным позициям ответов) – молодые люди, проникнутые этнонационалистической риторикой, отличающиеся резкостью суждений и этнической непримиримостью, особенно к представителям маргинальных этнических групп («кавказцы», «среднеазиаты») и явно позитивно воспринимающие ценности радикального национализма. В данном случае речь уже должна не об образовательно-воспитательной профилактике, а об оперативной работе спецслужб по выявлению и пресечению деятельности экстремистских сообществ, направленной на вовлечение в свои ряды новых

членов, которых в большинстве своем имеют уже сформировавшиеся и достаточно устойчивые радикально-националистические взгляды.

4. Доля молодых людей, которые заявляют о своем безразличии к этническим проблемам или непонимании их сущности составила от 18% до 30%. Это некий «балласт», который можно склонить в ту или иную сторону, однако, как показывает практика, это люди, не имеющие четких представлений и внутренней убежденности в отношении к другим этносам и этническим проблемам в целом, а потому склонные скорее к радикальным настроениям. Именно им следует уделить главное внимание в превентивной деятельности, поскольку они подвержены этнической ксенофобии и составляют потенциальную базу пополнения рядов экстремистских организаций. Вместе с тем, это не умаляет значения профилактической деятельности и с большинством респондентов, разделяющих гуманистические, толерантные и демократические ценности в восприятии этнополитических проблем, или тяготеющих к этому.

5. Последние составляют в среднем около 50% и являются потенциальной социальной базой для оптимального решения этнонациональных проблем. Однако неизвестно насколько в дальнейшем они окажутся последовательны в своих взглядах в условиях несформированности институтов политической социализации и отсутствия общенациональной идеологии. Следует также учесть, что далеко не у всех из них соответствующие позиции имеют устойчивый и зрелый характер, а также имеется опыт какого-либо значимого межэтнического или межкультурного общения. Следовательно, превентивная деятельность призвана будет помочь им сориентироваться и сделать правильный выбор между различными ценностными установками и моделями поведения при встрече с реалиями этнических и миграционных процессов.

Вышеприведенные выводы согласуются с рабочей гипотезой диссертационного исследования и подтверждают ее обоснованность. Вместе с тем они дают основания для более глубокого ее подтверждения в части того, что этнополитическая конфликтогенность студенческой молодежи заключается не только в непосредственной предрасположенности значительной ее части к

этническому национализму и экстремизму. Как выяснилось, этнополитическому риску (пусть и не такому значительному, как в случае с другими группами) подвержено и «благополучное» с точки зрения толерантности и гуманизма большинство. С этой точки зрения существует острая потребность в формировании системы раннего (глубокого) предупреждения участия студенческой молодежи в этнополитических конфликтах, основой которого должна стать превентивная образовательно-воспитательная деятельность в высших учебных заведениях. Ее особенности как социального процесса будут раскрыты в последнем параграфе диссертационного исследования на основе социологического анализа выявленной этнополитической конфликтогенности.

2.3 Деятельность по предупреждению участия студенческой молодежи в этнополитических конфликтах как социальный процесс

Деятельность по предупреждению участия студенчества в этнополитических конфликтах будет рассмотрена в соответствии с результатами и выводами вышеприведенных социологических исследований. Между тем, сама по себе деятельность также является своеобразным социальным процессом. Для того чтобы выявить особенности данного процесса, целесообразно обратиться к некоторым постулатам социологической теории, которые проясняют содержание понятий «социальный процесс».

Известным русским ученым П. Сорокиным было дано классическое определение социального процесса: «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или "эволюции", короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных и качественных характеристик» [116, С. 80].

По мнению российского социолога Г.Е. Зборовского, понятие «социальный процесс» «используется преимущественно российскими социологами, и скорее всего потому, что в силу своей абстрактности относится к лексикону социальной

философии, с которым на протяжении многих десятилетий наша социология тесно «дружила». Особенность социального процесса состоит в том, что он выступает как нечто безличное, не имеющее своего четкого конкретного субъекта... Собственно, само движение от социальных общностей через социальные институты и организации к социальным связям и процессам есть движение от личного к безличному» [60, С. 640]. Г.Е. Зборовский дает следующее определение социального процесса: «Социальный процесс выступает как совокупность, точнее, взаимосвязь социальных действий, которые могут происходить одновременно, последовательно, чередуясь с другими, взаимопересекаясь и т.д.» [60, С. 640]. Однако, социальный процесс выступает не просто взаимосвязью различных социальных действий, в последних происходит проявление определенных тенденций общественного развития, социальных изменений. Данное обстоятельство дает основание Г.Е. Зборовскому определять социальный процесс как взаимосвязь социальных действий, через которые проявляются определенные тенденции общественной жизни [60, С. 641].

Американские социологи Р. Парк и Э. Бёрджесс в своем труде «Введение в науку социологии» предложили одну из первых классификаций социальных процессов. К таковым они относили кооперацию, конкуренцию, приспособление, конфликт, ассимиляцию, амальгамизацию [160]. Социальные процессы можно классифицировать и по отношению к качественному состоянию социального объекта. Если исходить из взглядов классиков структурно-функционального анализа Т. Парсонса и Р. Мертона, то социальные процессы могут быть функциональными и дисфункциональными. Первые имеют вектор направленности на базовые цели социальных систем и институтов, вторые – блокируют достижение этих целей, препятствуют этому.

С точки зрения целей и задач нашего исследования, наибольшее методологическое значение имеет выделение стихийных и сознательно организованных социальных процессов. Стихийные «являются результатом действия многих разнонаправленных сил и выступают в своей упорядоченности через определенные системы показателей как статистические величины», а

сознательные процессы «характеризуются целенаправленными действиями с запланированным результатом» [60, С. 643-644]. Если мы говорим о профилактике этнического экстремизма в студенческой среде, то такого рода деятельность – это компонент сознательного процесса, запланированной целью которого является минимизация экстремистского влияния на сознание и поведение студенческой молодежи.

Деятельность по предупреждению этнополитических конфликтов, основой которого является профилактика экстремизма, представляет собой социальный процесс, поскольку обладает такими признаками как: 1) протяженность в пространстве и времени; 2) чередование действий; 3) определенный темп и ритм; 4) периодичность и цикличность. Кроме того, эта деятельность, как социальный процесс, включает в себя различные стадии (фазы) и характеризуется различными состояниями. Конфликт как социальный процесс имеет свои корни, кризисы, фазы развития и этапы. Под стадиями социального процесса понимаются его зарождение, функционирование, развитие, ослабление и исчезновение. Под состояниями подразумеваются состояния стабильности, стагнации, кризиса. Такой точки зрения придерживались родоначальники парадигмы конфликта как социальной патологии Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Смелзер. Они считали, что конфликт приводит к нарушению структурно-функционального равновесия в социальном процессе, в связи с чем основная проблема состоит в своевременном обнаружении этой дисфункции и ее эффективном преодолении.

Деятельность по предупреждению этнополитических конфликтов, будучи социальным процессом, в то же самое время является фактором воздействия на сам процесс этнополитического конфликта. С точки зрения социологического исследования целесообразным является выделение основного противоречия деятельности по предупреждению конфликтов как социального процесса. Это необходимо для его последующего разрешения в рамках данного процесса с целью изменения его характера и направленности. Применительно к нашему исследованию основным противоречием деятельности по предупреждению участия студенчества в этнополитических конфликтах является противоречие

между социальными акторами превентивной деятельности и студенческой средой. Следовательно, разрешение данного противоречия в рамках процесса предупреждения конфликтов предполагает минимизацию дистанции (разрыва) между целями и ценностными установками акторов превентивной деятельности и состоянием (прежде всего мировоззренческим) студенческой среды.

При этом необходимо учитывать, что социальный процесс — это совокупность социально значимых и направленных (ориентированных) изменений в обществе, вызванных стремлением различных групп влиять на сложившиеся в социуме условия с целью удовлетворения определенного интереса. В таком контексте целью акторов предупреждения этнополитических конфликтов является приведение студенческой среды в состояние доминирования ценностей этнической толерантности, гражданского патриотизма и этнокультурной самобытности. При этом следует иметь в виду, что эта цель может быть реализована при выполнении ряда условий, важнейшее из которых — профилактика этнического экстремизма. Этнический экстремизм, основное содержание которого составляют этническая нетерпимость, агрессия против этнических «чужаков», сопровождающаяся мощной человеконенавистнической идеологией является катализатором и инструментом конфликтной эскалации, из чего следует, что на его предупреждение прежде всего и должна быть направлена превентивная деятельность.

Прежде чем раскрыть особенности этой деятельности необходимо прояснить социологическое содержание самой категории «деятельность». С этой точки зрения целесообразно употребление понятия «социальная деятельность». На наш взгляд, социальная деятельность как социологическая категория может быть понята только через анализ такого социологического термина как «социальное действие». Дело в том, что значительные социальные изменения происходят в процессе совместных действий людей, которые не разрознены, а, наоборот, однонаправлены, взаимно сопряжены. Сам социальный процесс как таковой является совокупностью однонаправленных и повторяющихся социальных действий, которые можно выделить из множества других социальных действий.

Люди перемещаются с места на место, совместно обучаются, производят продукты, распределяют и потребляют их, участвуют в политической борьбе, культурных преобразованиях и многих других социальных процессах [140, С. 260].

Между тем, социальное действие является простейшей единицей социальной деятельности. Понятие социального действия ввел в научный оборот еще М. Вебер, который считал, что «социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других... «Другие» могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей» [33, С. 625]. Т. Парсонс на основе общих представлений М. Вебера предложил схему, так называемого, «единичного действия». Модель такого действия представил Дж. Тернер в своей работе «Структура социологической теории». Он включил в структуру единичного действия такие элементы, как актер, цель и ситуация, в которой актер стремится к достижению своей цели [132, С. 61-62]. Итак, социальное действие – это преднамеренный, целенаправленный поведенческий акт, ориентированный на других, их возможные ответные действия. Следовательно, социальное действие должно отвечать двум условиям: преднамеренность, мотивированность и ориентированность на другого (других). Однако для того, чтобы социальное действие стало полноценным, необходимо, чтобы оно не было дискретным, не ограничивалось единичным актом. Оно должно быть самовозобновляемым, регулярным, приобрести системное свойство.

Что касается социальной деятельности, то она представляет собой совокупность социально значимых действий, осуществляемых субъектом (общество, социальная общность, личность) в различных сферах и на различных уровнях социальной организации общества, преследующих определенные социальные цели и интересы и использующих для достижения этих целей и удовлетворения интересов различные социальные ресурсы и средства. Социальная деятельность имеет место тогда, когда социальный субъект ставит перед собой цели и активно участвует в их реализации. Структура социальной

деятельности включает в себя субъект, объект, осознанную цель, характер деятельности, ее мотивы и результаты.

Применительно к деятельности по профилактике этнического экстремизма следует отметить, что она как социальный процесс может быть охарактеризована как «последовательная смена состояний в системах и подсистемах, социальных институтах и организациях» [60, С. 641]. Процесс превентивной деятельности выражает динамику социальных изменений, заключающихся в состоянии студенческой среды по отношению к восприятию экстремизма, с помощью определенных социальных показателей. В связи с этим возникает вопрос об оценке эффективности социальной деятельности. Эти показатели могут быть количественными и качественными. Так, основным качественным показателем эффективности является степень разрыва между целями акторов превентивной деятельности и состоянием студенческой среды. Количественными же показателями являются индикаторы, характеризующие рост или снижение числа лиц, предрасположенных к восприятию этнического экстремизма. Таким образом, эффективность превентивной деятельности измеряется посредством фиксации точек отсчета изменений в процессах, происходящих в самой студенческой среде.

Центральным положением, лежащим в основе методологии предупреждения этнополитических конфликтов, является создание таких условий, при которых осознание людьми противоречивости своих интересов как членов тех или иных социальных групп проходило не по пути агрессии и насилия, а посредством согласования различий. Следовательно, превентивная деятельность в значительной степени должна быть направлена на формирование атмосферы сотрудничества различных этнических общностей, которое в свою очередь должно основываться на общей гражданской идентичности. В то же время, как показали исследования, объективные социально-классовые противоречия в сознании студенческой молодежи трансформируются в межэтнические. Конфликт всегда связан с субъективным осознанием людьми противоречивости своих интересов как представителей определенных этнических общностей. Острые противоречия порождают конфликты только тогда, когда они глубоко

переживаются людьми различной этнической принадлежности, осознаются как несовместимость целей и интересов различных народов. Из этого следует, что другой важной целью превентивной деятельности является недопущение таких условий, при которых происходит превращение социальной проблематики в этнополитическую.

Для реализации вышеперечисленных целей в деятельности по профилактике этнического экстремизма можно выделить следующие этапы: 1) процесс вовлечения социальных акторов в превентивную деятельность; 2) процесс целеполагания, т.е. постановки целей профилактики; 3) процесс проектирования превентивных действий, 4) процесс осуществления превентивных действий, 5) процесс анализа результатов действий и сравнение их с поставленными целями.

Первым этапом деятельности по предупреждению этнополитических конфликтов является процесс определения и вовлечения как акторов предупреждения, так и элементов студенческой среды. Под последними подразумевается студенческий контингент, а также условия, на которые должно быть направлено превентивное воздействие. Вторым этапом следует считать определение и постановку целей превентивной деятельности. На третьем этапе осуществляются планирование и разработка превентивных мероприятий. На четвертом этапе происходит процесс их реализации. Пятый этап предполагает аналитическую обработку результатов превентивной деятельности и оценку их эффективности.

Акторами предупреждения этнополитических конфликтов в студенческой среде должны быть органы исполнительной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, администрации высших учебных заведений, прежде всего, структуры учебно-воспитательной и социальной работы со студентами, различные общественные организации. С точки зрения обеспечения общественной безопасности акторами превентивной деятельности являются и соответствующие структуры правоохранительных органов.

Необходимо отметить, что у каждой из перечисленных групп акторов свое целевое назначение в предупреждении этнополитических конфликтов. Основная

цель государственной власти состоит в мобилизации усилий по формированию на всех уровнях территориального управления общей системы мониторинга, профилактики и оперативного реагирования на конфликтные ситуации. Целью правоохранительных органов является оперативное пресечение деятельности уже сформировавшихся экстремистских объединений и противодействие их воздействию на студенческую молодежь. Целью же учебно-воспитательной, социальной и научно-образовательной превентивной деятельности является, так называемая, глубокая профилактика этнополитических конфликтов. Она заключается не в воздействии на осязаемые факторы и проявления конфликтного взаимодействия, а в минимизации условий, способствующих восприятию и усвоению радикально-националистической и экстремистской идеологии.

Определение основных направлений предупреждения этнополитических конфликтов должно быть привязано к особенностям социальной среды, в которой находятся студенты. Социальная среда студенчества определяется как общественными условиями макрохарактера, так и спецификой вузовской жизни, а также сферой повседневности. Студенческий возраст представляет собой особый возраст формирования личности, для которого характерно особое пространство становления человека как социального индивида. Именно в студенческом возрасте молодой человек в концентрированном виде подвержен разнообразным информационным, культурным (субкультурным), научно-образовательным, воспитательным влияниям. Именно в студенческой среде на недосформированность личности молодого человека накладываются разнообразные влияния. Находясь в стадии обучения, но позиционируя себя уже в качестве взрослого человека, студенты зачастую стремятся сформировать свою собственную мировоззренческую позицию. Однако, это собственная позиция далеко не всегда согласуется с объективными интересами и потребностями общества. «Если общество по каким-либо причинам снимает с себя обязанность осуществлять через свои институты воспитательные функции по отношению к молодежи, то это приводит к тому что процесс социализации приобретает

стихийный характер и в нем начинают преобладать адаптационные составляющие» [37, С. 491].

Как показали проведенные исследования, в условиях современной этнополитической напряженности значительная часть студенческой молодежи предрасположена к восприятию этнического экстремизма. И причиной этого как раз является, отсутствие в высших учебных заведениях системной превентивной деятельности, которая должна являться главным условием адаптации студентов к сложным условиям межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном российском обществе. Таким образом, первое направление деятельности по предупреждению этнополитических конфликтов в студенческой среде связано с учетом основного противоречия в сфере социализации студентов. Это противоречие между необходимостью этнополитической социализации, обусловленной объективными потребностями российского общества в межнациональном согласии и общегражданской идентичности, и явной недостаточностью действий государства по гражданскому воспитанию подрастающего поколения. Следовательно, первым направлением превентивной деятельности должна быть активизация работы госорганов по включению вузов в процесс формирования системы раннего предупреждения и глубокой профилактики этнического экстремизма в студенческой среде.

Второе направление превентивной деятельности обусловлено особенностями этнополитической социализации молодежи в вузах. В советский период основой воспитательной работы в высших учебных заведениях были единство и однородность политической системы и идеологической парадигмы воспитания. Политическая социализация студенчества осуществлялась под мощным пропагандистским воздействием в условиях идеологической монополии коммунистического мировоззрения в сложившихся и устоявшихся организационных формах – пионерской, комсомольской и партийной организациях, социализирующее влияние которых происходило на базе стопроцентного охвата соответствующих возрастных категорий населения. Необходимо учитывать, что одной из важнейших особенностей советского типа

молодежной социализации было ее функционирование в условиях общества закрытого типа. Закрытое общество предполагало отсутствие общедоступных возможностей контакта с иностранными гражданами, свободного выезда за границу, жесткую цензуру в литературе и искусстве. Кроме того обеспечивалось всевозможное дистанцирование молодежи от религии, заключавшееся в недоступности религиозной информации и интенсивной атеистической пропаганде. Этнополитическая социализация в СССР реализовывалась в замкнутом социокультурном пространстве с жесткими политико-идеологическими границами. Именно поэтому в такой ограниченной социальной среде коммунистическому режиму сравнительно легко удавалось создавать атмосферу, так называемой, «дружбы народов». В среде советской студенческой молодежи доминировали ценности интернационалистской культуры межнационального общения, которые определялись межгенеративным ценностным консенсусом. Последний был возможен благодаря тому, что советские поколения студентов социализировались в идентичных условиях политико-идеологического монополизма и тотальности советских воспитательных организаций и социализирующих институтов.

В нынешних условиях в отличие от советской модели студенческая молодежь адаптируется в деидеологизированном пространстве, в обстановке политического плюрализма, свободной прессы и развития пиар-технологий. Студенты сталкиваются не с дефицитом, а, наоборот, с избытком разнонаправленной, эклектичной социально-политической информации в условиях практически полного отсутствия целенаправленного формирования гражданского сознания. Кроме того, специфической особенностью политической социализации современных студентов является огромная популярность и доступность сетевых форм общения и получения информации, имеющих интерактивный и виртуальный характер. Аполитичные по своему содержанию и форме программы радио и телевидения порождают потребительские установки и модели поведения. Вышеуказанные факторы создают предпосылки для активного проникновения в сознание молодежи мифов и стереотипов о культурах других народов,

нехристианских религиях. К этому следует добавить активное воздействие на мировоззрение студентов интернет-ресурсов экстремистской направленности. В условиях отсутствия системной превентивной деятельности стремление разобраться в перипетиях «национального вопроса» удовлетворяется среди значительной части молодежи, к сожалению, однонаправленно, на основе антиобщественных ценностей. Следовательно, вторым направлением превентивной деятельности является разработка с учетом вышеописанных условий: 1) целевых установок и методических принципов формирования мировоззрения студенческой молодежи в области межэтнических отношений; 2) принципов и технологий мониторинга интернет-ресурсов с целью информационного противодействия экстремистскому влиянию; 3) методологии, форм и способов воспитательного воздействия в ситуации идеологического плюрализма и открытого общества.

Третье направление деятельности по предупреждению этнополитических конфликтов в студенческой среде связано с особенностями влияния социально-экономического неравенства на формирование студенческого контингента. В студенческой среде вузов по сравнению со средой других образовательных учреждений в наибольшей степени проявляется процесс стратификации. Его спецификой является то, что студенты расслаиваются на выходцев из обеспеченных слоев – социальной элиты – и выходцев из малообеспеченных слоев населения с относительно низким социальным статусом. У первых формируется своеобразное привилегированное кастовое сознание, порожденное образом жизни в условиях материального достатка и социального благополучия, что провоцирует отчужденность от общественно-значимых проблем, аполитичность и потребительскую психологию. У второй группы низкий уровень жизни и ограниченность возможностей вертикальной мобильности способствуют формированию, с одной стороны, аполитичности и социального пессимизма, а с другой – предрасположенности к восприятию экстремистской идеологии и вовлечению в деятельность экстремистских и радикально-националистических организаций. Неудовлетворенность представителей второй группы студенческой

молодежи жизненными перспективами, которые предлагает ей общество, весьма часто в современных условиях выражается в агрессивном неприятии иных этнических общностей, их культуры и религии. По сути дела происходит этническая маргинализация значительной части студенческой молодежи, которая представлена выходцами из малообеспеченных слоев населения. Процессу правой радикализации студенчества способствует деятельность многочисленных раздробленных экстремистских и радикально-националистических объединений, которые привлекают молодежь культом силы и примитивными лозунгами, которые при этом отражают ее социальное недовольство и канализируют накопившую агрессию в русло агрессивной этнической ксенофобии. Следовательно, третье направление превентивной деятельности заключается в следующем.

Во-первых, необходимо концентрировать внимание на объединительных началах, которые должны быть в основе интеграции студенческих коллективов, следует делать акцент не на том, что разъединяет студентов по социально-классовому и этническому признакам, а формировать общую идентичность (принадлежности к вузу, студенчеству, российскому гражданскому сообществу). Во-вторых, существует необходимость создания условий для социального роста и творческой самореализации внутри вузов для всех студентов вне зависимости от их социального происхождения. Все это в совокупности будет способствовать выравниванию статусов и социальных ролей, формированию общестуденческой консолидации. На такой основе гораздо легче проводить профилактическую работу, поскольку студенту, считающему себя членом единого коллектива, группового сообщества, труднее внушить установку о приоритете этнических различий. Следовательно, он труднее поддается негативному воздействию этнического экстремизма.

Четвертое направление относится к сфере образовательной деятельности. В этой связи в вузах необходимо обратить особое внимание на гармоничное сочетание обучения с воспитанием. Ввиду того, что коммунистическая идеология в советский период было основой как гуманитарного образования, так и

воспитания, имело место обеспечение образовательной деятельности единой методологической и мировоззренческой платформой. В современных же условиях требуются совершенно иные подходы. Ценностная пустота, которая возникла вследствие крушения прежних ценностей и несформированности новых приводит к дезориентации студенческой молодежи. В то же время отсутствие идеалов и ценностных ориентаций в сочетании с открытостью общества и огромными потоками информации мотивируют молодежь заполнить пустоту новыми ценностями. Задачей научно-педагогического сообщества в высших учебных заведениях является в обязательном порядке учесть это обстоятельство в процессе образовательно-воспитательной деятельности.

Применительно к этнополитической социализации выполнение указанной задачи предполагает рассмотрение самих основ социально-гуманитарного образования. В этой связи можно согласиться с утверждением хабаровского социолога Л. А. Кривоносовой о том, что необходим анализ федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, а также программ гуманитарных и социальных дисциплин: отечественной истории, философии, культурологии, политологии, психологии, педагогики, - с целью выявления в их содержании определенного воспитывающего потенциала, необходимого для формирования этнотолерантности у студентов как профессионального качества [79, С. 136]. Следует «выявить в составе социальных и гуманитарных дисциплин те компоненты, которые бы знакомили студентов с культурой и историей других народов, особенностями их проживания, быта, психологии» [79, С. 137].

Таким образом, необходима работа по выстраиванию социально-гуманитарных дисциплин в определенную логическую систему на единой методологической основе. На наш взгляд, основным содержанием платформы социально-гуманитарного образования с точки зрения раннего предупреждения этнополитических конфликтов является минимизация мировоззренческой предрасположенности к восприятию этнонационалистических и этноэкстремистских психологических установок и идеологических

представлений. Базируясь на результатах исследований А. Очкиной, А.Ю. Завалишина, представленных в предыдущих параграфах, а также на итогах собственных исследований, автор диссертационной работы полагает, что следует уделить основное внимание усвоению следующих компонентов в процессе образовательной деятельности.

Во-первых, необходимо, чтобы студенты четко понимали содержание таких понятий как «гражданство», «внешняя и внутренняя миграция», «этнос», «нация», «национальное меньшинство», «диаспора», «национализм», «экстремизм», «ксенофобия». Путаница в понимании данных терминов, эклектическое смешение их содержания создает благоприятную почву для развития этнической ксенофобии и экстремизма. На живых примерах студентам необходимо разъяснять, что Россия является полиэтническим и поликонфессиональным государством, что все народы РФ имеют одинаковые права в различных сферах общественной жизни.

Во-вторых, целесообразно формировать историческое сознание, с тем, чтобы молодежь, обучающаяся в вузах, осознавала преемственность современной России от СССР. Это позволит, в частности, снизить в определенной степени миграционную ксенофобию по отношению к гражданам стран СНГ (прежде всего из среднеазиатских республик).

В-третьих, необходимо предпринимать учебно-воспитательные и научно-образовательные усилия для того, чтобы студенты понимали глобальный и закономерный характер современных миграционных процессов, однако при этом, осознавали целесообразность научно-обоснованного их регулирования.

В-четвертых, следует выстраивать методологию и методику образовательно-воспитательного процесса в направлении восприятия общественных отношений, процессов и проблем в ракурсе приоритета социальных, экономических и политических причин. Следует формировать установку на приоритетность личностных, моральных, профессиональных качеств перед этническими.

В-пятых, целесообразно не умалять и значения этнического фактора, однако при этом необходимо признавать последний исключительно как феномен

культуры, самобытности, подчеркивая добровольный характер этнической самоидентификации. Человек по факту своего этнического происхождения не должен быть насильственно приписан к определенной этнической группе без его согласия.

В-шестых, следует формировать в сознании студентов понимание приоритетности гражданской идентичности над этнической. При всем уважении к этносамобытности, мы – прежде всего – граждане единого гражданского сообщества. Необходимо признавать право человека на множественную самоидентификацию или, наоборот, на то, чтобы он относил себя только к одной общности.

В-седьмых, особое внимание требует прояснение содержания понятий «русские» и «россияне». Как показывает исследование, представленное в пятом параграфе, путаница в содержании данных терминов создает предпосылки для исключения нерусских народов России из этнополитического и культурного пространства нашей страны. При этом подчеркивание многонациональности и полиэтничности российского государства должно сочетаться с уважительным отношением к русской культуре, которая является духовной основой российской полиэтничной цивилизации. Требуется особая разработка «русский вопрос», поскольку самоустранение государства от решения вопросов этнокультурного и социального самочувствия русского народа приводит к маргинализации русской идентичности и переходу последней в плоскость этнонационалистического дискурса.

Пятым направлением превентивной деятельности является минимизация условий для созревания конфликтных ситуаций и формирования экстремистских настроений, которые могут иметь место в той части студенческой среды, которая связана со сферой досуга, повседневного общения и культурной жизни. Без воздействия социализирующих институтов образования студенты будут адаптироваться к вышеуказанным условиям, ориентируясь исключительно на те установки, которые они получили в семье и под влиянием средств массовой информации. Причем, как показали исследования, значительная часть молодежи

составляет впечатление о других культурах и этносах исключительно на основе мифов, стереотипов и клише. Следовательно, необходима кропотливая социально-педагогическая и культурологическая работа по формированию гуманистической атмосферы межэтнического общения в студенческих коллективах. Целесообразно, с одной стороны, сплачивание студенческих групп на основе коллективных ценностей (учебы, образования, науки, студенческой субкультуры), а с другой – проведение культурно-просветительской и культурно-массовой работы, направленной на ознакомление с традициями, искусством и духовными ценностями народов России и бывшего СССР.

Необходимо, чтобы сфера досуга студенческой молодежи была наполнена мероприятиями интегрирующего характера, направленными на формирование единой студенческой «корпорации». Следует добиваться того, чтобы студенчество в своих собственных глазах позиционировалось как наиболее передовая часть молодежи, от которой в значительной степени зависит развитие страны. Такая самооценка будет способствовать продвижению в студенческую среду и закреплению в ней ценностных установок, которые соответствовали бы объективным общественным интересам развития толерантности и межнационального согласия в нашем государстве. Вообще, нужно продумать формы и механизмы вовлечения студентов в совместную деятельность. Это во многом снимало бы вопросы негативного влияния этнических стереотипов и предрассудков. При этом нужно учесть специфику современных постсоветских условий. Хотя и из советского опыта можно было бы перенять некоторые подходы, при условии их адаптации к современным реалиям. Например, субботники, КВНы, студенческие строительные отряды, ударные комсомольские стройки, интернациональные молодежные коллективы, клубы интернациональной дружбы.

Шестое направление превентивной деятельности связано с практической работой по противодействию негативному этнополитическому влиянию экстремистских и праворадикальных организаций на студенческую молодежь. Выше уже говорилось об особенностях политической социализации современной

молодежи в условиях плюралистической политической среды. В воспитательной работе со студентами предстоит учитывать, что молодежный электорат весьма неоднороден. В такой ситуации весьма важно разработать алгоритмы управления различными политико-идеологическими трендами в студенческой среде. Это новая, принципиально инновационная задача, решение которой затянулось в последние двадцать лет после развала СССР. Применительно к этнополитической социализации молодежи следует отметить, что государство так и не сформировало систему этнополитических ценностей, которые бы пришли на смену идеологии социалистического интернационализма и советского патриотизма. Как формировать общероссийскую идентичность, ценностные установки гражданского патриотизма в условиях расколотого молодежного сообщества, разделения на различные идейно-политические ориентации? Вот в чем заключается главный вопрос этнополитической превентивной деятельности в студенческой среде.

Эта проблема усугубляется тем, что единственным документом, который каким-то образом регламентирует мировоззренческую направленность государственной деятельности по гармонизации межэтнических отношений, является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, введенная в действие Указом Президента РФ № 1666 19 декабря 2012 года [129]. Данная стратегия была актуализирована 22 октября 2013 года на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ [129]. На этом заседании в речи В. В. Путина прозвучал тезис о необходимости создания на единой методологической основе региональных центров мониторинга межэтнических отношений, оценки рисков и предупреждения конфликтных ситуаций [129]. По нашему мнению, профилактическое противодействие влиянию этнополитического экстремизма на студенческую молодежь должно быть составной частью деятельности такого рода центров. Основными задачами, которые возникают в данном виде профилактической работы являются: 1) уметь вести дискуссию со студентами различных политических ориентаций в режиме критического диалога в формате молодежной дискуссии; 2) быть способным

сочетать различные идейно-политические тренды в молодежной среде с целью нахождения определенных ценностей, которые могли бы сплотить представителей совершенно разных идейно-политических ориентаций в целостное гражданское сообщество; 3) разработать и применить технологии конфликтологического мониторинга этнополитического самочувствия студентов.

В заключение следует остановиться на организационном аспекте деятельности по предупреждению этнополитических конфликтов в высших учебных заведениях. Понятно, что вызванный постсоветскими реалиями огромный массив абсолютно новых проблем обусловил неподготовленность управленческих и социализирующих институтов к выполнению требований сегодняшнего дня. Поэтому говорить о формировании системы превентивной деятельности еще рано. Основные причины сложившейся ситуации состоят в следующем.

Во-первых, за редким исключением, основная масса представителей вышеуказанных социальных институтов не имеет соответствующей этнополитической компетентности. Чиновники и воспитатели не владеют необходимыми знаниями и навыками, необходимыми для организации и проведения превентивных мероприятий.

Во-вторых, существует сильная инерция мышления, связанная с недопониманием, недооценкой сущности и роли «регулярной профилактики, разработки форм и способов поддержания позитивных (консенсусных) бесконфликтных межэтнических отношений» [68, С. 17]. В основном, значимым признается необходимость разрешения уже возникающих конфликтов, которое в большинстве случаев рассматривают «как «пожаротушение», то есть непосредственное воздействие на конфликт с целью его немедленного прекращения» [68, С. 16-17].

В-третьих, существует стереотипное убеждение, что профилактика экстремизма в студенческой среде – это дело правоохранительных органов, а задачей образовательных учреждений является исключительно научно-образовательная деятельность. Естественно, что в таком случае происходит

непонимание значения и специфики раннего и глубокого предупреждения конфликтов на уровне психологии и мировоззрения.

В-четвертых, все вышеназванные факторы приводят к чрезвычайно слабой активности властных органов по формированию системы предупреждения конфликтных ситуаций, вследствие чего отдельные разрозненные усилия не получают должной административно-ресурсной и финансовой поддержки и не трансформируются в скоординированные проекты превентивной деятельности.

В качестве иллюстрации следует привести следующий пример. В апреле 2011 г. было создано самодеятельное объединение преподавателей, аспирантов и студентов нескольких ведущих вузов Хабаровского края с целью активизации общественных усилий по формированию системы мониторинга и профилактики этнического экстремизма в студенческой среде. Кроме того данное объединение (Межвузовский конфликтологический центр) выступило как инициативная группа, которая привлекала внимание региональной и муниципальной власти к необходимости создания на территории края государственной системы конфликтологического мониторинга межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. С этой целью с 2011 года по 2014 год была проведена серия интерактивных научно-образовательных и учебно-воспитательных мероприятий по мониторингу общественного мнения студенчества на предмет межэтнических отношений, профилактике этнического экстремизма в студенческой среде. Данная деятельность осуществлялась как в учебное (в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин), так и во внеучебное время, при этом активно применялся метод фокус-групп [65, С. 167]. Однако, несмотря на инновационный характер превентивной деятельности Межвузовского конфликтологического центра эффективность его очень мала. Причин несколько.

1. Центр является неформальным общественным объединением, которое по существующим процессуальным нормам не вписывается в структуру вузовской научно-образовательной и воспитательной деятельности, вследствие чего профессорско-преподавательский состав, вовлеченный в превентивную работу не

имеет административных полномочий по ее систематическому развертыванию в пространстве образовательного учреждения.

2. Из вышеуказанного следует, что отсутствует стимулирование (прежде всего материальное) превентивной деятельности. Особенно это проявляется в условиях оптимизации и коммерциализации образования. Грантовая система не решает проблему организации системной превентивной деятельности, поскольку грант еще необходимо выиграть и даже в случае выигрыша можно увидеть, что его действие имеет ограниченные временные рамки. Научно-исследовательские гранты и гранты, предназначенные для некоммерческих организаций, могут использоваться как дополнительные, но ни в коем случае не как основные инструменты деятельности по предупреждению конфликтов.

Такова в наиболее концентрированном виде социологически обоснованная схема раннего предупреждения участия студенческой молодёжи в этнополитических конфликтах в аспекте образовательно-воспитательной превентивной деятельности. Мы убедились в том, что она представляет собой социальный процесс, эффективность которого зависит прежде всего от решения системных проблем взаимодействия властных институтов и институтов высшего образования как на региональном, так и на федеральном уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и на значительной части территории России, в Хабаровском крае интенсифицировались процессы этнической миграции, вызвавшие усиление этнокультурного и конфессионального разнообразия населения. В таких условиях чрезвычайно актуализируется проблема предупреждения межэтнической напряженности, ее трансформации в этнополитическую конфликтность. Особую остроту, как показывают результаты социологических исследований, эта проблема приобретает в среде студенческой молодёжи, являющейся одной из наиболее динамичных социальных групп, у которой, отсутствует личный позитивный опыт жизни в атмосфере интернациональной солидарности и дружбы народов, имевшей место в советский период.

Как показал проведенный анализ, предметом социологического исследования этнополитических конфликтов является комплекс связей и отношений, находящихся в сфере влияния этносоциальной стратификации и этнического взаимодействия как социальных процессов на формирование межэтнической напряженности, группового и корпоративного этнического эгоизма. Специфика социологического подхода к определению социальной сущности этнополитического конфликта заключается в следующих двух моментах: 1) соединение философских и общесоциологических методологических установок к исследованию феномена конфликта; 2) опора на структурно-функционалистское наследие, проявляющееся в том, что причины и условия конфликтов коренятся в организации и структуре социальных систем. Анализ различных подходов позволил выявить то, что этнополитический конфликт по своим типологическим характеристикам является особым видом социального конфликта. Его потенциальными социальными акторами (субъектами) выступают этнические общности, интересы которых становятся противоречивыми вследствие неравенства их положения в системе этносоциальной стратификации.

Однако противоречие порождает конфликтогенность, но не сам конфликт. Социальное неравенство и социальная несправедливость, различные социальные проблемы и кризисные явления несомненно являются объективными предпосылками таких конфликтов, но их пусковым механизмом является деятельность определенных организованных групп, мотивированных в силу своих интересов и ценностей на конфликтное взаимодействие. В этом обстоятельстве и заключается, на наш взгляд, ключ к раскрытию сущности этнополитических конфликтов как специфического вида социального конфликта. Поэтому социологический подход не может устраниваться от анализа коллективных действий и деятельности групп в этнополитических конфликтах.

Социологический анализ динамики и контекста этнополитического конфликта как социального процесса с участием студенческой молодежи позволяет определить его протекание как социальный процесс, характеризующийся как блоковый конфликт. Под блоковым конфликтом понимается не межблоковый конфликт, выделяемый по субъектам носителям (различные блоки, союзы и организации), а по механизму формирования и расширения. Такого рода конфликт – это результат формирования единого конфликтного процесса на основе слияния разнородных локальных предконфликтных, конфликтных и постконфликтных событий на основе общей конфликтогенной доминанты, не обязательно представленной в качестве основной в каждом конфликтном событии в отдельности. На примере конфликта с участием ставропольской молодежи прослеживается доминантная линия социального напряжения или социального раскола, на основе которой соединяются (блокируются) моноконфликты. Таковой доминантой явилась возраставшая этническая напряженность между молодежью различных этнических групп. Выделение той основы, на которой происходит соединение всех конфликтных эпизодов в один процесс является ключевым для методологии предупреждения этнополитических конфликтов.

Проведенный анализ динамики и социального контекста этнополитических конфликтов важен для определения основного содержания конфликтного предупреждения как социального процесса. Предупреждение этнополитического

конфликта – это процесс социальной деятельности, направленный на предотвращение (минимизацию) проявлений агрессивного противоборства и конкуренции с использованием этнической идентичности и спекуляции на этнических различиях и противоречиях. С социологической точки зрения предупреждение означает превентивное воздействие на структурные условия, лежащие в основе конфликта. В этом смысле социологический подход подразумевает так называемое глубокое предупреждение конфликта, которое основывается на выявлении глубинных причин конфликтного взаимодействия, состоящих из определенных социальных противоречий. Естественно, что именно на такой основе должна строиться превентивная деятельность в виде долгосрочной работы, направленной на минимизацию возникновения корневых источников конфликта.

Анализ состояния этнополитической конфликтности современной российской молодёжи, сделанный на основании анализа отечественных исследователей молодёжного экстремизма и сравнительного анализа социологических исследований этноконфликтности студенческой молодёжи, проведённых в различных регионах России в 2008 и 2013 годах, привел к следующим выводам.

5. Этнополитическая конфликтность в определённой степени обусловлена слабостью социально-классовой идентичности студентов. Они находятся в некотором переходном, маргинальном состоянии – большинство студентов имеют довольно смутное представление о своем будущем трудоустройстве и социальном статусе. Вследствие этого студенческая молодёжь идентифицирует себя с определенной социальной группой и, следовательно, с определенными экономическими и социальными интересами, намного слабее, чем с принадлежностью к определенной культуре.

6. Этнополитическая конфликтность в значительной степени формируется воздействием глобальной информационной сети – Интернет. Наиболее активными в этом плане являются сетевые сообщества. Они выходят за пределы пространственных, временных, организационных и технологических ограничений,

осуществляя тем самым глобальное виртуальное информационное воздействие на молодежь.

7. Вклад личного опыта в формирование адекватных представлений о различных народах, межэтнических отношениях у значительной части студентов невелик, поскольку в отличие от СССР в современной России отсутствуют интенсивные процессы развития межнационального взаимодействия на основе ценностей интернационального сотрудничества и дружбы народов.

8. Предпосылки ксенофобии и этнонационализма формируются особенностями современного гуманитарного образования в высших учебных заведениях. Отсутствие системности в преподавании гуманитарных дисциплин приводит к тому, что у студентов не складывается целостной картины развития общества. Негативный эффект усиливается отсутствием общенациональной системы ценностей, которая, должна лежать в основе образования и воспитания молодежи.

Выявленные в сознании значительной части студенческой молодежи элементы ксенофобии и этнического национализма пока не трансформируются в осознанные националистические убеждения и поведенческие установки. Неприязненное отношение к людям других этнических общностей больше представлено на массово-групповом уровне, нежели на межличностном. Однако, несфокусированность выявленных ксенофобских настроений ни в коем случае не должна порождать иллюзию благополучия. Опасное сочетание данного феномена с аморфной социально-классовой идентичностью может трансформироваться при определённых условиях в ментальную базу этнического национализма, полагающего в качестве образа врага людей другой этничности и культуры, что является основополагающим элементом этнополитической конфликтности студенческой молодёжи.

С целью верификации рабочей гипотезы диссертации соискатель осуществил социологическую интерпретацию данных, полученных в ходе мониторингового социологического исследования студенческой молодёжи 1-4-х курсов 4-х ведущих вузов Хабаровского края – ТОГУ, ХГАЭиП, ДВГУПС, КНАГТУ

(сентябрь 2013 г., январь-февраль 2014 г.). В соответствии с целью и задачами диссертационного исследования соискателя интересовали: 1) особенности этнонациональной самоидентификации студенческой молодежи (по каким критериям респонденты идентифицируют русских/нерусских/россиян); 2) уровень включенности в этнонациональную проблематику России и Хабаровского края; 3) личное отношение к представителям некоторых этнических групп, проживающих в дальневосточном регионе; 4) этнополитическую ориентированность на те или иные формы решения этнонациональных проблем в России.

Исследование выявило следующие примерные доли молодых людей по их отношению к этнонациональным проблемам и возможным мерам по их решению. Около 50% – толерантно относящиеся к представителям других этносов, адекватно оценивающие специфику межэтнических взаимодействий и склонные к мировоззренческому индивидуализму; они составляют социальную базу для оптимального решения этнонациональных проблем в России, обеспечивают этнический мир и согласие. Около 30% – «безразличные», это балласт, который можно склонить в ту или иную сторону, однако, как показывает практика, это люди, не имеющие четких представлений и внутренней убежденности в отношении к другим этносам и этническим проблемам, в целом, а потому склонные скорее к алармистским настроениям и составляющие потенциальную базу для распространения этнической ксенофобии и экстремизма. Около 20% или, по крайней мере, от 10% до 20% – молодые люди, проникнутые националистической риторикой, отличающиеся резкостью суждений и этнической непримиримостью, особенно к представителям маргинальных этнических групп («кавказцы», «среднеазиаты»), и возможно, уже являющиеся членами националистических групп или сочувствующие им.

Анализ ответов на вопросы анкеты позволяет заключить, что лишь совсем небольшая доля респондентов (до 10%) продемонстрировала последовательные «националистические» / «интернационалистские» взгляды или заявили о своем «безразличии». Все остальные в ответах на разные вопросы зачастую высказывали едва ли не противоположные мнения, что само по себе

свидетельствует о неустойчивости их позиций в отношении к этнической проблематике, вообще, и представителям разных этнических групп, проживающих в Хабаровском крае, в частности. Таким образом, проведенные исследования выявили в целом обоснованность рабочей гипотезы диссертации. Исходя из этого довольно значительную часть студенческой молодежи следует признать подверженной этнополитической конфликтогенности, проявляющейся в наличии социально-психологических и мировоззренческих предпосылок последующего восприятия этнонационалистической идеологии.

Ввиду вышеизложенного превентивная деятельность по противодействию вовлечению студенческой молодёжи в этнополитические конфликты должна быть направлена на профилактику их главных катализаторов - этнического национализма и экстремизма.

С точки зрения социологического исследования основным противоречием деятельности по предупреждению участия студенческой молодежи в этнополитических конфликтах является противоречие между социальными акторами превентивной деятельности и студенческой средой. Следовательно, разрешение данного противоречия в рамках процесса предупреждения конфликтов предполагает минимизацию дистанции (разрыва) между целями и ценностными установками акторов превентивной деятельности и состоянием (прежде всего мировоззренческим) студенческой среды. В таком контексте целью акторов предупреждения этнополитических конфликтов является приведение студенческой среды в состояние доминирования ценностей этнической толерантности и гражданского патриотизма. Из чего следует необходимость формирования устойчивой мотивации к знакомству с культурой, традициями и обычаями этнических групп, проживающих на территории Хабаровского края, прежде всего, у русского населения региона.

Данные, полученные соискателем в рамках проведенных в диссертации исследований, определяют необходимость разработки следующих компонентов превентивной деятельности: 1) целевых установок и методических принципов научно-образовательной работы по формированию мировоззрения студенческой

молодежи в области межэтнических отношений; 2) принципов и технологий мониторинга интернет-ресурсов с целью информационного противодействия экстремистскому влиянию; 3) методологии, форм и способов образовательно-воспитательного воздействия в ситуации идеологического плюрализма и открытого общества. В такой ситуации весьма важно разработать алгоритмы управления различными политико-идеологическими трендами в студенческой среде. Основными задачами, которые возникают в данном виде профилактической работы являются: 1) уметь вести дискуссию со студентами различных политических ориентаций в режиме критического диалога в формате молодежной дискуссии; 2) быть способным сочетать различные идейно-политические тренды в молодежной среде с целью нахождения определенных ценностей, которые могли бы сплотить представителей совершенно разных идейно-политических ориентаций в целостное гражданское сообщество; 3) разработать и применить технологии конфликтологического мониторинга этнополитического самочувствия студентов.

Итак, проведенная исследовательская работа по выявлению основных особенностей превентивной деятельности по предотвращению участия студенческой молодежи в этнополитических конфликтах позволяет определить следующие основы ее социологического анализа.

Во-первых, необходимо своевременное распознавание социокультурных и социально-психологических предпосылок формирования экстремистских взглядов и настроений. Как показал анализ результатов проведенных социологических исследований, в сознании части студенческой молодежи объективно присутствует ментальная основа восприятия радикально-националистической идеологии. Эта мировоззренческая особенность студенческой молодежи во многом связана с недостатками в социологическом образовании.

Во-вторых, важным условием является объективная всесторонняя и оперативная информация о целях, интересах и мотивах потенциальных

участников этнополитических конфликтов – студенческой молодежи, на которую пытаются оказать идеологическое воздействие экстремистские организации.

В-третьих, необходимым компонентом успешной превентивной деятельности должна быть конфликтная аналитика. Она представляет собой совокупность методов, приемов и средств распознавания предпосылок и причин возникновения конфликтной ситуации, особенностей ее наиболее вероятного развития, характера и содержания формирующегося конфликта.

В-четвертых, конструктивную роль превентивной деятельности невозможно представить без овладения социальными технологиями профилактики радикального национализма и этнического экстремизма. Речь идет о разработке и использовании таких технологий в процессе систематической работы по предупреждению этнополитических конфликтов в форме интерактивных мероприятий (научно-образовательных семинаров, круглых столов, мастер-классов, диспутов, дебатов и общественных дискуссий).

В диссертационной работе особое внимание уделяется преимущественно тому направлению превентивной деятельности, которое связано с конфликтной аналитикой. Результаты и выводы данных исследований составляют аналитический потенциал, на основе которого определяется характер и направленность превентивной деятельности. Итоги прикладных исследований имеют мультипликативное значение. Во-первых, они являются своеобразными индикаторами, посредством которых возможно измерить уровень этнической ксенофобии и предрасположенности к экстремизму. Во-вторых, они позволяют сформулировать теоретико-методологические положения, характеризующие состояние этнополитической конфликтности студенческой молодежи и формирующие его факторы. В-третьих, на основе полученных данных и выводов возможно такое направление дальнейшего исследования как изучение механизмов, форм и социальных технологий деятельности по предупреждению участия студенческой молодежи в этнополитических конфликтах с учетом специфики ее различных групп.

Эффективность предупреждения этнополитических конфликтов с участием студенческой молодежи в решающей степени зависит от следующих факторов.

1. Органам государственной власти нужно активно заниматься работой по включению высших учебных заведений в целевые программы по национальной политике, образованию и воспитанию молодежи, развитию общественно-государственного партнерства в сфере противодействия экстремизму и развитию межнационального сотрудничества.

2. Необходима политическая воля региональных органов государственной власти для взаимодействия с федеральными образовательными учреждениями высшего профессионального образования в части осуществления на договорной основе совместной деятельности в области выстраивания системы ранней профилактики межэтнических конфликтов на территории региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулатипов, Р.Г. Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. - СПб.: Питер, 2004. 313 с. – (Серия «Учебное пособие»).
2. Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б.В. «Конфликт цивилизаций» в региональном преломлении : Кавказ и Балканы / В.А. Авксентьев // Политические исследования. 2007. № 4, с. 146 – 157.
3. Авксентьев, В. А., Бабкин, И. О. Медведев, Н. П., Хоц, А. Ю. Шнюков, В. В. Ставрополье: Этноконфликтологический портрет. Коллективная монография / В.А. Авксентьев // Под редакцией В. А. Шаповалова. – Ставрополь. 2002. 138 с.
4. Авксентьев, В. А., Гриценко, Г. Д. Дмитриев, В. А. Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) / В.А. Авксентьев // Социологические исследования. № 9. 2007. С. 70 – 77.
5. Авксентьев, В.А., Зинев, С.Н., Майборода, Э.Т. «Блоковые конфликты» в полиэтничном макрорегионе: ставропольский феномен / В.А. Авксентьев // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2008. №3. С. 145 – 163.
6. Аг А. Введение в теорию конфликтов // Мир политики. М.: Политологический центр РАУ, 1992. С. 113.
7. Аклаев, А. Р., Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент / А.Р. Аклаев // учеб. пособие. – 2-е изд, испр. - М.: Издательство: «Дело» АНХ, 2008. – 480 с.
8. Акопов, С. В., Розанова М. С. Идентичности в эпоху глобальных миграций / С.В. Акопов // Научное издание. - СПб.: Издательство ДЕАН, 2010. – 272 с.
9. Анцупов, А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога / А.Я. Анцупов //: 2-е изд. - СПб.: Питер, 2006. - 528 с.
10. Ачкасов, В. А. Межэтнические отношения и проблема «русского национализма» в современной России / В.А. Ачкасов // Проблемы

межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность: сб. науч. трудов по итогам работы региональной научно-практической конференции с международным участием (23-24 сентября 2011 г.) / под ред. В. В. Романовой. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2011. С. 3 – 10.

11. Ачкасов, В. А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности / В.А. Ачкасов // СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – 232 с.

12. Ачкасов, В. А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России / В.А. Ачкасов // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения. Международная научно – теоретическая конференция (Санкт-Петербург. 27 – 28 сентября 2007г.) / Научные редакторы В. А. Ачкасов, Д. З. Мутагиров. – СПб., 2007 г. С. 43 – 49.

13. Ачкасов, В. А. Этнополитология / В.А. Ачкасов // учебник. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 337 с.

14. Бааль, Н.Б. Девиантное поведение в механизме формирования криминального экстремизма в молодежной среде / Н.Б. Бааль // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 4. С. 17 – 21.

15. Бааль, Н.Б. Социально-философский анализ развития молодежных экстремистских организаций в постсоветской России / Н.Б. Бааль // История государства и права. 2008. № 18. С. 12 – 13.

16. Бабосов, Е.М. Конфликтология / Е.М. Бабосов // Учеб. пособие для студентов вузов. – Мн.; ТетраСистемс, 2000. – 464 с.

17. Бабосов, Е.М. Социология личности, стратификации и управления / Е.М. Бабосов. – Мн.: Бел. Наука, 2006. – 591 с.

18. База данных документов ООН по проблемам меньшинств – http://www.greekhelsinki.gr/bhr/english/special_issues.htm

19. База данных Европейского центра по проблемам этнических меньшинств – <http://www.ecmi.de>

20. База данных законодательства различных стран по проблемам меньшинств – <http://www.minelres.lv/NationLegislation/natleg.Org>
21. База данных информации по проблемам политики в области меньшинств и мультиэтничности – <http://www.groups.yahoo.com/group/multiethnicльмаМатер>
22. База данных Международного консорциума конфликтологических исследований – http://www.colorado.edu/conflict/index_org.Htm
23. База данных Международного проекта «Меньшинства как группа риска» – <http://www.bsos.umd.edu/cidcm/mar>
24. База данных Международного центра информации по этнокультурному разнообразию – <http://www.edrc.Ro>
25. База данных научно-образовательного портала «Аналитика конфликта» – <http://www.aconflict.ru>
26. Байков, Н.М. Миграционные намерения выпускников вузов на Востоке России: объективные и субъективные детерминанты / Н.М. Байков // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш.- Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 18 – 25.
27. Березутский, Ю.В. Социально – экономическое развитие региона в оценках студенческой молодежи как фактор ее закрепляемости / Ю.В. Березутский // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш.- Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 26 – 34.
28. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия, контроль / Л. Берковиц // М.: Олма-пресс. 2009. - 506 с.
29. Бондырева, С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление) / С.К. Бондарева // М.: Издательство Московского психолого – социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 296 с.

30. Брубейкер, У.Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) / У.Р. Брубейкер // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6 – 31.
31. Брубейкер, У. Р. (б. г.) Постимперская ситуация и разъединение народов в сравнительно-исторической перспективе. <http://www.hrighs.ru/text/b3/chapter2/htm>.
32. Ватолина, Ю.В. Метод наблюдения в социологии (на основе опыта Вальтера Беньямина) / Ю.В. Ватолина // СПб.: Изд - во С.- Петерб. ун –та, 2006. – 143 с.
33. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер // Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – («Социологическая мысль запада»).
34. Веренко, И.С. Конфликтология /И.С. Веренко // М.: концерн Swiss, 2000. – 398 с.
35. Верховский, А. М. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям / А.М. Верховский // М., Эксмо. 2009. - 584 с.
36. Верховский, А. М. Политика государства по отношению к национально-радикальным объединениям / А.М. Верховский // 1991 – 2002 г.г. – 2-е изд., доп., - М.: Центр «Сова», 2013. – 152 с.
37. Волков, Ю.Г., Добреньков, В.И., Кадария, Ф.Д., Савченко, И.П., Шаповалов, В.А. Социология молодежи / Ю.Г. Волков // - Ростов-н/Д.: Феникс, 2001. – 576 с.
38. Гегель Г. // Сочинения. В 12-ти т.: Т. 5. - М 1932, С. 498.
39. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. М., 2002. С. 146 – 200.
40. Гулиев, М. А. Безопасность и политическая толерантность в постконфликтной реконструкции / М.А. Гулиев // Ростов – н / Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 208 с.

41. Гулиев, М. А., Коротец, И. Д., Чернобровкин, И. П. Этноконфликтология / М.А. Гулиев // – М.: ИКЦ «МарТ»; 2007. - Ростов – н / Д.: Издательский центр «МарТ» , 2007 – 224 с.
42. Гулиев, М. А. Толерантность и миротворчество / М.А. Гулиев // Ростов – н / Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 288 с.
43. Гуляев, К. В. Этнополитические конфликты как источник угрозы международного терроризма / К.В. Гуляев // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения. Международная научно – теоретическая конференция (Санкт-Петербург. 27 – 28 сентября 2007 г.) / Научные редакторы В. А. Ачкасов, Д. З. Мутагиров. – СПб., 2007. С. 224 – 227.
44. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /р. Дарендорф // Пер. с нем. М., 2002. – 289 с.
45. Дашаев, Р. Х. Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности / Р. Х. Дашаев // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2007. – №6. – 228 с.
46. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / отв. ред. Л. М. Дробижева // – М. : Мысль, 1996. – 381 с.
47. Денисенко, М. Изменения в иммиграционной политике развитых стран – <http://www.rosbalt.ru/2007/07/23/311042.html>
48. Дмитриев, А.В. Социальный конфликт: общее и особенное / А.В. Дмитриев // - СПб.: Гардарики, 2001. – 526 с.
49. Дмитриев А.В. Конфликтология / А.В. Дмитриев // Учебное пособие. - М.: Гардарики, 2000. — 320 с.
50. Дмитриев, А. В., Пядухов, Г. А. Этнические группы трудящихся – мигрантов и принимающее общество: взаимодействие, напряженность, конфликты / А.В. Дмитриев // Социологические исследования. № 9. 2006. С. 86 - 94.
51. Дробижева, Л. М., Паин, Э.А. Особенности этнополитических процессов и становления этнической политики в современной России / Л.М.

Дробижева // Политические преобразования в России и Украине. - М., 2003. С. 250 – 252.

52. Дробижева, Л. М. Национализмы в республиках Российской Федерации (Саха, Татарстан, Тува, Северная Осетия) : идеология элиты и массовое сознание / Л.М. Дробижева // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3т. / [под общей ред. Э.Яна]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т.3 : Национализм в национально – территориальных образованиях. – 2010. С.23 -50.

53. Дятлов, В. И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России / В.И. Дятлов // Диаспоры. 2004. № 3, с.126-138; Тишков В. А. Этнология и политика : статьи 1989 – 2004 гг./ В. А. Тишков. – 2-е изд., доп. – М., Наука., 2005. – 240 с

54. Ентелис, Г.С., Щипанова Г.Д. Протестный потенциал российской молодежи / Г.С. Ентелис // М., Юрайт. 2007. - 576 с.

55. Завалишин, А.Ю., Костюрина Н.Ю. Студенческая молодежь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А.Ю. Завалишин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал 2013, №4 (40), с. 83 – 93.

56. Завалишин, А. Ю. Социальное меньшинство: объективация через дискурс / А.Ю. Завалишин // DIXI-2012: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. научн. трудов : вып. 3 / под науч. ред. д.с.н. А. Ю. Завалишина. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2012, с. 143 – 159.

57. Завалишин, А.Ю. Социокультурные аспекты этнической ксенофобии и экстремизма / А.Ю. Завалишин // DIXI – 2013: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. научн. тр. : вып. 4 / под науч. ред. д-ра социол. наук А. Ю. Завалишина. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2013 – 208 с.

58. Завалишин, А. Ю. Этническое меньшинство в пространстве дискурса (на примере коренных народов Хабаровского края) / А.Ю. Завалишин // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. Т. 2. № 10, с. 71 – 74.

59. Замогильный, С.И. Этносоциология и этнопедагогика мультикультурных обществ / С.И. Замогильный // – Саратов: ИЦ «Наука», 2006. – 202 с.
60. Зборовский Г.Е. Общая социология / Г.Е. Зборовский // Учебник для вузов. – 3-е изд., исправленное и дополненное. – Екатеринбург. – 2003. - 720 с.
61. Здравомыслов, А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве / А.Г. Здравомыслов // – М.: Аспект Пресс, 1999. – 285 с.
62. Зеркин Д. П. Основы конфликтологии / Д.П. Зеркин // Ростов н/Д., 1998 – 480 с.
63. Зоркая, Н.А. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение / Н.А. Зоркая // Мониторинг общественного мнения, 2001, № 2 (52). С. 39 – 46.
64. Зубок, Ю.А. Молодежный экстремизм, сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // СОЦИС. – 2008. – №5. С. 3.
65. Ким, А.С. Деятельность Хабаровского межвузовского конфликтологического центра по профилактике ксенофобии и экстремизма в молодежной среде города Хабаровска как обеспечение прав и свобод граждан / А.С. Медведева, А.С. Ким. // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение : Материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции. – Хабаровск : ДВИ – филиал РАНХиГС, 2012. С. 165 – 168.
66. Ким, А. С. Историко – логический анализ современных национально-этнических конфликтов / А.С. Ким // Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2004. – 139 с.
67. Ким, А. С. Сочетание конфликтогенной и консенсусной парадигм в этнополитологическом исследовании диаспор / А.С. Ким // Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. – 241 с.
68. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: методология, теория, регионалистика / А.С. Ким // – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – 330 с.

69. Ким, А. С. Этнополитические конфликты в современном мире: перспективы исследования / А.С. Ким // Социальные профилактики и социальное прогнозирование: сб. науч. тр. / под ред. И. Ф. Ярулина. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2009. С. 70 – 75.
70. Ковалева, А.И., Луков, В.А. Социология молодежи / А.И. Ковалева // Теоретические вопросы - М.: Социум, 1999. - 325 с.
71. Козлов, А.А. Молодежный экстремизм / А.А. Козлов // СПб., Питер. 2008. - 498 с.
72. Колесниченко, А. Россия – для кого? / А. Колесниченко // Аргументы и факты. – 2011. - №7. С. 6.
73. Конфликтология для государственных служащих : учебное пособие / под ред. В. А. Волкова, В. А. Семенова. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. – 496 с.
74. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные.: учеб. пособие для вузов (направ. и спец. "Междунар. отношения" и "Регионоведение") / под ред. А.Д. Воскресенского. - М. : Аспект Пресс, 2008. – 512 с.
75. Корогодов, И. (2006) Политика мультикультурализма как политика интеграции иммигрантов в национальное социальное государство / И. Корогодов // – (http://evolutio.info/index.plip?option=com_content&task=view&id=1016&Itemid=176).
76. Костиков В. Привет с Кавказа. Растет разочарование национальной политикой // Аргументы и факты. №30. 2011. С. 6.
77. Кравченко, А.И. Краткий социологический словарь / А.И. Кравченко // – М.: Проспект, 2009. – 352 с.
78. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И.Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова // – Политиздат, 1988. - 479 с.
79. Кривоносова Л.А. Социологические основания воспитания этнической толерантности будущих специалистов социальной сферы. Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение : Материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции. – Хабаровск : ДВИ – филиал РАНХиГС, 2012. С. 136 – 137.

80. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2012 году: Сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА» [Альперович В., Кравченко М.А., Сибирев О.А., Юдина Н.Ю. / под ред. Верховского А.М.] – М.: Центр «Сова», 2013 – 164 с.

81. Кузнецов, А.М. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX- начале XXI вв.(основные варианты и тенденции развития этнополитической ситуации) / А.М. Кузнецов, И.Н. Золотухин // монография / – Владивосток : Изд- во Дальневост. фед. ун-та, 2010. – 224 с.

82. Кузнецова, Е. И. Этническая ксенофобия как препятствие формированию политической нации (на примере Грузии) / Е.И. Кузнецова // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения. Международная научно – теоретическая конференция (Санкт-Петербург. 27 – 28 сентября 2007 г.) / Научные редакторы В. А. Ачкасов, Д. З. Мутагиров. – СПб., 2007. – С. 276 – 283.

83. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. В 42-х т. Т. 29. – 776 с.

84. Ливингстон, К. Доклад о мусульманах в Лондоне – www.islamonline.com

85. Лисовский, В.Т., Социология молодежи / В.Т. Лисовский // Учебное пособие. СПб., 1996 - 141 с.

86. Лобода, О.В., Ярулин, И.Ф. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига / О.В. Лобода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 4(40), с. 128 - 135

87. Малахов, В. С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов // Учебное пособие. – М.:КДУ, 2005. – 320 с.

88. Малахов, В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме / В. Малахов // – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 200 с.

89. Медведева, А. С. Роль Хабаровского межвузовского конфликтологического центра при Тихоокеанском государственном университете по профилактике ксенофобии и экстремизма в молодежной среде / А. С.

Медведева // Материалы секционных заседаний 52-й студенческой научно-технической конференции ТОГУ. – 2012. С. 352 – 353.

90. Мейтин, А.А. Преступления футбольных болельщиков. Криминологическая характеристика, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение / А.А. Мейтин. - М. – 2005. С. 49.

91. Миграционная политика: у них для человека, у нас – для государства – <http://old.iamik.ru/11147.html>.

92. Молодежь современной России : Альтернативы выбора духовных и нравственных убеждений : Сборник статей. Издание 2 – е, перераб. И доп. / РАН ИНИОН. Центр гуманист. Науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. В.А. Зернов, Г.В. Хлебников; ред.-сост. Д.Г. Шкаев. – М., 2012. – 294 с.

93. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3т. / [под общей ред. Э.Яна]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т.1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. – 2010. – 431 с.

94. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3т. / [под общей ред. Э.Яна]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т.2: Национализм в национальных государствах. – 2010. – 695 с.

95. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе: в 3т. / [под общей ред. Э.Яна]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т.3: Национализм в национально-территориальных образованиях – 2010. – 413 с.

96. Осипов, А. Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать?. - М.: Центр «Сова», 2012. – 252 с.

97. Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. «Современный мир и этнонациональные процессы (г. Якутск, 20-21 сентября 2012 г.) (сост.: А.А.Пахомов; Е.М. Махаров; Е.Д.Кули). – Якутск: Сфера.- 2013. - 288 с.

98. Осипов, А. Этничность и равенство в России: особенности восприятия / А. Осипов // М.: Центр «Сова», 2012. – 200 с. (Научное издание)

99. Остапенко, Л., Субботина, И. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? / Л. Остапенко // [http://www/no-ev-kovcheg.ru/mag/2008-06/1202.html](http://www.no-ev-kovcheg.ru/mag/2008-06/1202.html)
100. Очкина, А. Ксенофобия в сознании студенческой молодежи / А. Очкина // *Левая Политика*. – 2008. - №6. - С. 59 – 63
101. Паин, Э.А. Динамика этнополитической ситуации в современной России / Э.А. Паин // *Полития*, 2004, № 2. С.27-49.
102. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс // Пер с англ. М., 1998. 270 с.
103. Политическая конфликтология : Учебное пособие / Под ред. С. Ланцова.- СПб.: Питер, 2008. – 319 с.
104. Посталовский, А. В. Сегрегационно – ассимиляционная политика государства как элемент этнополитического конфликта титульной нации и национального меньшинства (на примере Эстонии) / А.В. Посталовский // *Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения. Международная научно – теоретическая конференция (Санкт-Петербург. 27 – 28 сентября 2007 г.)* / Научные редакторы В. А. Ачкасов, Д. З. Мутагиров. – СПб., 2007. с. 269 – 275.
105. Пруйт, Д., Рубин Дж. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение / Д. Пруйт // СПб.: Прайм-Еврознак, 2000. – 352 с.
106. Русский национализм : Социальный и культурный контекст / Сост. М.Ларюэль.- М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 448 с.
107. Светлов, В. А. Конфликты: модели, решения, менеджмент / В.А. Светлов // - СПб.: Питер, 2005. – 540 с.
108. Светлов, В.А., Семенов В.А. Конфликтология / В.А. Светлов // Учебное пособие – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.
109. Семенов, В.А. Конфликт – условие общественного развития // монография / В.А. Семенов, В.Ю. Стадник. – Ростов н/Д : Легион, 2011 – 253 с.
110. Семенов В.А. Рациональное разрешение социальных конфликтов / В.А. Семенов // монография / В.А. Семенов, В.Ю. Стадник. – Ростов н/Д : Легион, 2011. – 216, [1] с.

111. Семенов, В. А. Экспликация понятия конфликт / В.А. Семенов // Труды 45-й Международной научно-практической конференции ученых транспортных вузов, инженерных работников и представителей академической науки 7 – 9 ноября 2007 г. Т. 6. Хабаровск. 2007. С. 72 – 78.
112. Сергеев, В.К. Молодежная культура и СМИ / В.К. Сергеев // - М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. – 188 с.
113. Сикевич, З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе / З.В. Сикевич // - СПб.: Изд - во С.- Петерб. ун –та, 2012. – 207 с.
114. Соколов, С.В. Социальная конфликтология / С.В. Соколов // М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 327 с.
115. Соловьева, Т. Хабаровский край - территория гражданского мира. Как предупредить проявления национального и религиозного экстремизма / Т. Соловьева // Приамурские ведомости. – 2013. - № 53. С. 4.
116. Соломатина, Е.Н. Социология конфликта / Е.Н. Соломатина // Учебное пособие для вузов. – М. Академический проект; Альма Матер, 2011. – 198 с.
117. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин // – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.
118. Социология молодежи / Под ред. Кузнецова В.Н. М., Волтерс Клувер. 2008. - 568 с.
119. Ставропольстат. – <http://www.stavstat.ru/>.
120. Стадник, В.Ю. , Ким, А.С. Национальные общественные объединения в современной России: конфликт и консенсус // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. 2013, №3 (39). С. 34 – 42.
121. Стадник, В.Ю., Ким А.С. Этнополитическая конфликтогенность студенческой среды: анализ исследований на региональном уровне // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. 2013, №4 (40). С. 94 – 102.

122. Стадник, В.Ю. Коррупция – один из важнейших барьеров на пути нашего развития // Этносоциум и межнациональная культура. №8 (24). 2009. С. 69 – 73.

123. Стадник, В.Ю. Философские аспекты концепций рационального разрешения конфликтов / В.Ю. Стадник // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал. 2011, №3 (31). С. 158 – 161.

124. Стадник, В.Ю. Этническая конфликтогенность студенческой молодежи: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. Научный журнал. 2013, №3 (64). С. 155 – 159.

125. Стадник, В.Ю. Этнические основы политических конфликтов / Комплексное развитие юга Дальнего Востока России: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В.П. Дурина. - Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2009. С. 138 - 140.

126. Степанов, Е.И. Современная конфликтология / Е.И. Степанов // Общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов : Учебное пособие. Изд-е. 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2012. – 176 с.

127. Степанюк Д. «Бочка» пороха. Пугачев охватила волна народного гнева // Аргументы и факты. №29. 2013. С. 9.

128. Стенографический отчёт о заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ [Электронный ресурс] : 22.10.2013. - Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/council/28/news/19475>.

129. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/.

130. Сулейманов, С.Ш. Роль общественных организаций в реализации государственной национальной политики в Хабаровском крае / С.Ш. Сулейманов // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник научных трудов по итогам международной научной

конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш.- Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 294 – 299.

131. Сысоев, А. Криминологический анализ личности осужденного за преступления экстремистской направленности / А. Сысоев // Уголовное право. – 2008. – №3. С. 107 – 109.

132. Тернер Дж. Структура социологической теории / Дж. Тернер // – М.: Прогресс, 1985. - 472 с.

133. Ткач, Е.Н., Набивачева, Е.А. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских ВУЗах / Е.Н. Ткач, Е.А. Набивачева // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш.- Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 307 – 313.

134.

135. Тощенко, Ж. Т. Этнократия: История и современность / Ж.Т. Тощенко // Социологические очерки. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003, - 432 с.

136. Травина, Е. М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире / Е.М. Травина // Учебное пособие. - СПб.: Изд - во С.- Петерб. ун –та, 2007. – 256 с.

137. Фадеичева, М. А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России / М.А. Фадеичева // Политические исследования. 2006. № 4, с. 53 - 60

138. Фадеичева, М. А. Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов (теоретико-методологический анализ): дис. ...докт. полит. наук: 23. 00. 01/ Фадеичева Марианна Альфредовна. Екатеринбург, 2004. – 311 с.

139. Фарафонова, Л.Н. Аккультурация и социальный этноцентризм этнических сообществ мигрантов / Л.Н. Фарафонова // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник

научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш.- Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 328 – 338.

140. Федорова, В.Р. Общее представление о мигрантах у молодежи Хабаровского края / В.Р. Федорова // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт: сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш.- Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 338 – 343.

141. Фролов, С.Ф. Социология: сотрудничество и конфликты / С.В. Фролов // М.: Юристъ, 2007. – 239 с.

142. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. 1990. №3. С. 134 – 148.

143. Хеллевик, О. Социологический метод / О. Хеллевик / Пер. с норв. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – 192 с.

144. Хобсбаум, Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Э. Дж. Хобсбаум // Нации и национализм. М., 2002, С. 332 – 346

145. Чупров, В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров // М., Юристъ. 2006. - 692 с.

146. Чупров В.И. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи / В.И. Чупров // Ростов-на-Дону., Феникс. 2003. - 726 с.

147. Экстремизм и его причины / под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Логос, 2010. – 288 с.

148. Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты АТР. Материалы Международной научной конференции (III Широкогоровские чтения).- Владивосток : Изд- во Дальневост. ун-та, 2008. – 344 с.

149. Юдина, Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления / Т.Н. Юдина. - М.: Издательско - торговая корпорация «Дашков и К», 2004. – 399 с.

150. Armstrong J. A. Armstrong D. Mobilized and Proletarian Diasporas // *The American Political Science Review*. 1976. Vol. 70. N. 2. P. 393 – 403.
151. Bonacich E. A Theory of Middlemen Minorities // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. P. 583 – 594.
152. Connor W. A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a ...// *Ethnic and Racial Studies*. 1978. Vol. 1. N. 3. P. 377 – 400.
153. Connor W. Nation-building or nation-destroying? // *World Politics*. 1972. Vol. 24. N. 3 , P. 319 – 355.
154. Coser L. *The Functions of Social Conflict*. N.Y: Free Press, 1956. P. 151 – 157.
155. Esman M. Political and psychological factors in ethnic conflict // Montville I. V. (ed.) *Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies*. Lexington. 1990 P. 53 – 64.
156. Gellner E. *Nation and nationalism*. Ithaca, N. Y., 1983, P. 243 – 254
157. Giddens A. *The Constitution of society*. Cambridge, 1989. P. 198 – 199.
158. Horowitz D. Democracy in divided societies // *Journal of Democracy*. 1993. Vol. 4. P. 1 – 38.
159. *Kymlicka W. Misunderstanding Nationalism // Theorizing Nationalism / R. Beiner Ed. Albany: State University of New York Press. 1999. P. 131-140.*
160. Park R. E. Human migration & marginal man // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33. N. 6. P. 296 – 355.
161. Park R. E. *Race and culture*. Glengoe. 1950. P. 771 – 881.
162. Rothschild D., Groth A. Patological dimensions of domestic and international ethnicity // *Political Science Quarterly*. 1995. Vol. 110. N. 1. P. 69 – 83.
163. Smith A. The ethnic sources of nationalism // Brown M. E. (ed.) *Ethnic Conflict and International Security*. Princeton, N J., 1993. P. 27 – 42.
164. Weber M. *Economy and Society*. N Y, 1968. Vol. 1. P. 389.
165. Young C. The Politics of Cultural Pluralism // Young C. (ed.) *The Rising Tide of Cultural Pluralism*. Madison. 1993. P. 3 – 35.